

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ГРАНИЦЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Буджолд

Границы бесконечности

«АСТ»

1989

Буджолд Л. М.

Границы бесконечности / Л. М. Буджолд — «АСТ»,
1989 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

У Майлза Форкосигана, только что закончившего академию, короткий отпуск. Но отдыха не предвидится: если ты – лорд, изволь вершить правосудие среди своих вассалов! Расследование убийства маленькой девочки в бедной горной деревеньке неожиданно ставит двадцатилетнего Майлза перед непростым выбором, когда следовать букве закона решительно невозможно... Стандартное задание: проникнуть в логово генетических работарговцев и забрать ученого. И вновь талант военного отступает перед талантом психолога – Форкосиган не только спасает жизнь невинного юного существа, предназначенного ему в палачи, но и открывает для себя ценность жизни, обретает черты характера, наличие которых у себя и не подозревал... Чтобы освободить из тяжкого плена несколько тысяч отчаявшихся, потерявших всякую надежду людей, Майлзу придется совершить чудо – превратить полудичавшую толпу в организованную силу. Но как работать с теми, кто почти утратил человеческий облик под гнетом неволи?

© Буджолд Л. М., 1989

© АСТ, 1989

Содержание

I	6
Горы Скорби	10
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лоис Макмастер Буджолд

Границы бесконечности

© Lois McMaster Bujold, 1989

© Перевод. Т. Черезова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Джону

I

– К вам посетитель, лейтенант Форкосиган.

Обычно невозмутимое лицо медбрата перекопилось от испуга, взгляд застыл. Он отступил в сторону, пропуская посетителя в палату. Автоматические двери еще не закрылись, а медбрат уже поспешно ретировался.

Вздернутый нос, лучистые глаза и открытое доброе лицо очень молодили вошедшего, хотя темно-русые волосы на его висках уже начали седеть. Он был худощав, одет в скромный костюм и отнюдь не распространял вокруг себя атмосферу ужаса, вопреки столь острой реакции медбрата – по правде говоря, гость вообще не производил никакого впечатления. Саймон Иллиан, глава Имперской службы безопасности Барраяра, начинал обычным тайным агентом, и эта работа приучила его быть незаметным.

– Привет, босс, – сказал Майлз.

– Выглядишь отвратительно, – любезно заметил Иллиан. – Не трудись отдавать честь.

Майлз коротко рассмеялся; даже смех сейчас причинял ему боль. У него болело все, кроме рук: они все еще не отошли после анестезии и были забинтованы и зафиксированы от лопаток до кончиков пальцев. Он поглубже зарылся в постель в тщетной надежде найти более удобное положение для своего тщедушного тела, облаченного в больничную пижаму.

– Как прошла операция? – осведомился Иллиан.

– Примерно так, как я и ожидал. Мне ведь однажды уже оперировали ноги. Самое противное началось, когда разрезали правую руку, чтобы вынуть осколки костей. Нудно. Левую сделали гораздо быстрее – там осколки были крупнее. Теперь буду ждать, приживется ли в пластике костный мозг. Какое-то время у меня будет малокровие.

– Надеюсь, ты не возьмешь за правило возвращаться после каждого задания на носилках?

– Ну-ну, это ведь всего второй раз! Да и вообще, рано или поздно у меня просто кончатся непересаженные кости. Годам к тридцати я уже буду целиком из пластика.

И Майлз представил себе эту невеселую перспективу. Интересно, могут ли его объявить юридически умершим, если больше половины его тела будет из запчастей? Не войдет ли он когда-нибудь на фабрику пластиковых протезов с возгласом «Мама!»?

– Давай-ка поговорим относительно твоего задания, – твердо произнес Иллиан.

Значит, этот визит не просто выражение сочувствия... Да и вообще, способен ли Иллиан хоть кому-нибудь сочувствовать? Иногда это трудно было понять.

– Мой доклад у вас, – уклончиво ответил Майлз.

– Твой доклад – это шедевр недоговоренности, – в голосе начальника Имперской службы безопасности не было и тени недовольства.

– Ну... Мало ли кто его прочтет. Никогда нельзя знать заранее.

– Оставь, Майлз! Ты прекрасно знаешь, что речь идет не об этом.

– Так в чем проблема?

– Деньги. А еще конкретнее – финансовая отчетность.

Может, все дело было в лекарствах, которыми его напичкали, но Майлз ничего не понял.

– Вам не нравится моя работа? – жалобно спросил он.

– Если не считать твоих ранений, результаты последнего рейда в высшей степени удовлетворительны... – начал Иллиан.

– Очень рад это слышать, – мрачно пробормотал Майлз.

– ...а твои похождения на Земле все еще полностью засекречены. Мы поговорим о них позже.

– Сначала мне надо будет доложить парочке вышестоящих инстанций, – решительно заявил Майлз.

Иллиан отмахнулся:

– Я так и понял. Нет. Обвинения касаются мероприятия на Дагуле и того, которое ему предшествовало.

– Обвинения? – озадаченно переспросил Майлз.

Иллиан пристально посмотрел на него.

– Лично я считаю, что все затраты на поддержание твоих связей со Свободными дендарийскими наемниками окупаются с точки зрения внутренней безопасности. Хотя бы потому, что если бы ты постоянно находился, скажем, в Главном штабе, здесь, в столице, то стал бы превосходным магнитом для любых заговорщиков. Не только для тех, кто добивается почета и расположения властей, но и для тех, кто попытался бы через тебя задеть твоего отца. Как это происходит в настоящее время.

Майлз скосил глаза, надеясь, что сосредоточенный взгляд поможет ему собрать воедино и свои разбегающиеся мысли.

– Итак?..

– Короче, кое-кто сейчас очень прилежно изучает твои отчеты о тайных операциях флота наемников. Этим господам хотелось бы узнать, на что именно пошли определенные крупные суммы. Некоторые из твоих счетов по замене оборудования просто чудовищны – даже с моей точки зрения. А нашим противникам весьма желательно доказать существование систематических растрат. Осуждение тебя военным трибуналом за хищение казенных денег было бы сейчас чертовски некстати – и для твоего отца, и для всей центристской фракции.

– Это зашло настолько далеко?.. – ахнул пораженный Майлз.

– Пока нет. Я твердо намерен все замять. Но для этого мне нужны детали. Я не хочу действовать вслепую, как бывало уже не раз. Я еще не забыл, как из-за тебя провел месяц в моей собственной тюрьме...

Неприятное воспоминание заставило Майлза нахмуриться.

– На этот раз, – продолжал Иллиан, – они действуют через графа Форволка из Казначейства, а он до фанатизма предан императору и к тому же имеет его личную... э-э... поддержку. Под него не подкопаешься. Но боюсь, что достопочтенный граф поддается чужим влияниям. А поскольку он считает себя сторожевым псом, то чем больше от него отбрыкиваются, тем упорнее он цепляется за свои подозрения. С Форволком следует обращаться предельно осторожно, независимо от того, прав он или ошибается.

– Ошибается?.. – выдохнул Майлз.

До него наконец дошло, почему Иллиан пришел в госпиталь сегодня. Да, шефом и вправду руководит не беспокойство о раненом подчиненном. Но задавать свои вопросы сейчас, когда Майлз только очнулся после операции, слаб, накачан лекарствами, возможно, даже плохо соображает...

– Почему бы вам не допросить меня с суперпентоталом, да и делу конец? – огрызнулся он.

– Потому что я знаю о твоей аллергии к подобным препаратам, – невозмутимо ответил Иллиан. – Это очень прискорбно.

– Тогда отчего бы не выкрутить мне руки?

Задетый за живое начальник секретной службы помрачнел.

– У меня была такая мысль. Но потом я решил поручить это хирургам.

– Знаете, Саймон, вы иногда бываете настоящим подонком.

– Знаю. – К Иллиану вернулось хладнокровие. Он ждал и наблюдал. – В этом месяце, пока не кончится свара из-за бюджета, у твоего отца не должно быть скандалов в правительстве. И обвинения в твой адрес надо придушить независимо от того, на чьей стороне правда. Все сказанное в этой комнате останется – должно остаться – между нами. Но я должен знать!

– Вы что, предлагаете мне амнистию?

Голос Майлза превратился в рычание, сердце бешено заколотилось.

Иллиан был невозмутим.

– Если понадобится.

Майлз не мог сжать кулаки – он их даже не чувствовал, – но пальцы ног у него сжались. Он задыхался в мутных волнах ярости. Перед глазами все поплыло.

– Ты... мерзкий... ублюдок! Ты смеешь называть меня вором...

Майлз заметался в кровати, скидывая с себя больничные простыни. Медицинский монитор тревожно запищал. Тяжелые бесполезные руки болтались из стороны в сторону, как неживые.

– Это я крал у Барраяра? Я крал у моих собственных мертвецов?..

Он сбросил ноги и мощным усилием пресса вскочил с кровати. На миг выпрямившись, он резко качнулся вперед и, тут же потеряв равновесие, чуть не грохнулся на пол. Иллиан успел вскочить и поймать его.

– Какого черта, парень?! Что за шутки?

Майлз и сам толком не знал.

– Что вы делаете с моим пациентом? – крикнул, врываясь в палату, бледный военврач. – Он только что перенес серьезную операцию!

Доктор был разозлен и испуган, а вбежавший следом за ним медбрат вообще находился на грани истерики. Он попытался остановить своего начальника и даже схватил его за руку, пролепетав:

– Сэр, это шеф службы безопасности!

– Я знаю, кто он. Но будь он хоть призраком императора Дорки, я не позволю ему заниматься здесь его... работой! – Врач воинственно уставился на Иллиана. – Ваши допросы, или что вы тут затеяли, можете проводить в своих застенках. Я не допущу подобного в госпитале. Этого пациента еще нельзя тревожить!

У Иллиана вид был сначала недоумевающий, потом возмущенный.

– Я не...

Майлз прикинул, не следует ли ему артистично нажать на какие-нибудь нервные окончания и заорать благим матом, но сейчас, к сожалению, ему нечем было нажимать.

– Внешность бывает так обманчива, – промурлыкал он на ухо Иллиану, повисая на его руках. Сжав зубы, он изобразил мученическую улыбку.

Иллиан нахмурился, но очень бережно уложил молодого человека в кровать.

– Все в порядке, – прохрипел Майлз врачу. – Все в порядке. Я просто... просто... – «Разволновался» не вполне характеризовало ощущения Майлза, ему казалось, что сейчас у него лопнет голова. – Ничего.

Чувствовал он себя хуже некуда. Подумать только: его заподозрил Иллиан, который знает Майлза всю жизнь, который, казалось бы, полностью ему во всем доверяет... Майлз гордился этим доверием, гордился тем, что он, еще такой молодой офицер, выполняет самостоятельные задания... Похоже, на деле его служба была не государственной необходимостью, а просто удобным предлогом загнать подальше опасного и неуклюжего щенка-фора. Игрушечные солдатики... А теперь он еще и растратчик! Какое страшное пятно на его чести – и на его разуме. Можно подумать, что Майлз не знает, откуда берутся финансы империи и какой ценой они достаются.

Черная ярость сменилась черным отчаянием. Неужели Иллиан – Иллиан! – действительно подумал, пусть даже на секунду... Да, он подумал. Он не пришел бы сюда, не расспрашивал бы его, если бы не был всерьез обеспокоен возможной справедливостью обвинений. К своему ужасу, Майлз почувствовал, что тихо плачет. Будь прокляты эти лекарства!

Иллиан смотрел на него с тревогой.

– Майлз, так или иначе я должен объяснить твои затраты уже завтра. Пойми, это затраты моей организации.

– Лучше я предстану перед трибуналом.

Иллиан сжал губы.

– Я приду позже. После того, как ты поспишь. Надеюсь, тогда ты сможешь рассуждать более трезво.

Затем над Майлзом хлопотал врач, всадивший в него еще одно чертово лекарство.

Молодой человек медленно повернулся лицом к стене – не спать, а вспоминать.

Горы Скорби

Поднимаясь от озера к дому, Майлз услышал женский плач. Он не стал вытираться после купания, поскольку день обещал быть жарким, а прохладная вода, стекая с волос, приятно освежала голую спину и грудь. Менее приятным было то, что капала она и с рваных шортов Майлза, а стержни, защищавшие его ноги от поломок, легко натирали мокрую кожу. Хлюпая разношенными кроссовками, Майлз в ускоренном темпе преодолел еле заметную тропинку в кустарнике. Когда голоса стали различимы, он замедлил шаги.

В женском голосе звучали горе и смертельная усталость.

– Пожалуйста, лорд, ну, пожалуйста! Я только хочу справедливости...

Охранник был раздражен и смущен.

– Не лорд я. Ну же, встань, женщина. Возвращайся в деревню и обратись к окружному судье.

– Говорю вам, я только что оттуда! – Майлз вышел из-за кустов и остановился, наблюдая любопытную сцену: женщина, стоявшая на коленях, так и не встала при его появлении. – Судья не вернется еще много-много недель. А я шла сюда четыре дня. У меня мало денег... – Покопавшись в кармане, она протянула охраннику сложенные лодочкой руки. – Здесь только марка и двадцать пенсов, но...

Раздосадованный страж заметил Майлза и резко выпрямился, словно боясь, что будет заподозрен в готовности принять такую жалкую взятку.

– Убирайся, женщина! – рявкнул он.

Майлз вопросительно выгнул бровь и захромал к воротам.

– Что тут происходит, капрал? – спокойно осведомился он.

Капрал охраны принадлежал к Имперской службе безопасности и весьма рьяно относился к своим обязанностям. Таким душным утром ему было чертовски жарко в застегнутом до горла парадном мундире, но Майлзу казалось, что капрал, находясь на посту, скорее сварится, чем расстегнет хоть одну пуговицу на вороте. Выговор у охранника был не местный – наверняка парень из столицы, где бюрократы всех рангов издавна поднаторели в решении проблемы «пускать или не пускать».

Женщина, напротив, была явно местная, из горного захолустья. Она была моложе, чем поначалу показалось Майлзу. Высокая, сероглазая, с покрасневшим от слез лицом и светлыми нечесаными волосами. Если ее отмыть, подкормить, прибавить уверенности в себе и жизнерадостности, она может оказаться почти хорошенькой. Правда, сейчас привлекательного в ней было мало, даже несмотря на потрясающую фигуру – стройная, но полногрудая... «Нет, – поправил себя Майлз, подходя к воротам, – только временно полногрудая». Лиф домотканого платья женщины был в подтеках молока, хотя младенца поблизости не наблюдалось. Ноги у женщины были босые, ступни заскорузлые и потрескавшиеся.

– Никаких проблем, – заверил Майлза охранник. – Убирайся, – прошипел он нарушительнице спокойствия.

Та неловко перекатилась с колен на зад.

– Я вызову сержанта! – Охранник поглядывал на простолюдинку уже с опаской. – Ее сию минуту уберут.

– Погодите-ка, – остановил его Майлз.

Женщина смотрела на Майлза снизу вверх и, судя по всему, не знала – радоваться или печалиться его появлению. По тому, что на нем надето, никак нельзя было догадаться об общественном статусе Майлза. Ну а все остальное было видно яснее некуда. Молодой человек вздернул подбородок и невесело улыбнулся. Слишком крупная голова, слишком короткая шея, утолщенная неровным позвоночником спина, кривые ноги, на которых сверкают хромом подпорки

экзоскелета. Если бы горянка встала, его макушка едва достала бы ей до плеча. Майлз со скукой ждал, когда рука женщины сделает ритуальный жест, защищающий от сглаза и мутаций, но она только вздрогнула и сжалась.

– Мне надо видеть милорда графа. – Женщина обращалась к кому-то между Майлзом и охранником. – Это мое право. Мой отец погиб в армии.

– Премьер-министр граф Форкосиган, – чопорно заявил капрал, – прибыл в свое загородное поместье на отдых. Если бы он собрался заняться делами, то уехал бы в Форбарр-Султан.

При воспоминании о столице его глаза подернулись ностальгической грустью.

Женщина воспользовалась паузой:

– Ты всего лишь горожанин, а он мой граф. Я имею право.

– Зачем тебе надо видеть графа Форкосигана? – терпеливо спросил Майлз.

– Убийство! – воскликнула женщина. – Я хочу сообщить об убийстве.

– Разве не полагается сначала сообщить об этом своему деревенскому старосте? – спросил Майлз, жестом успокаивая дернувшегося было охранника.

– Я ему сказала. Но он ничего не желает слушать. – Ее голос сорвался от бессильной ярости. – Он говорит: сделанного не поправишь. И не хочет записывать мое обвинение, говорит, это чепуха. Только прибавит всем неприятностей, говорит. А мне все равно! Мне нужна справедливость!

В этой части родовых владений графа Форкосигана был всего один сильно перегруженный судья, который появлялся в деревне Форкосиган-Сюрло лишь раз в месяц на выездных заседаниях. Какие-либо инциденты были здесь большой редкостью, поскольку территория вокруг загородного поместья премьер-министра кишела охранниками, особенно когда здесь находился сам граф, и преступники предпочитали нарушать спокойствие где-нибудь подальше.

– Досмотрите ее и впустите, – приказал Майлз. – Под мою ответственность. Эта женщина имеет право апеллировать к графскому правосудию.

Охранник принадлежал к элитному подразделению службы безопасности и был приучен видеть возможного убийцу даже в собственной тени. Понизив голос, он попытался спорить:

– Сэр, если я позволю всем деревенским психам бродить по поместью, где им вздумается...

– Я ее провожу.

Столичный цербер беспомощно пожал плечами, но отдавать честь не стал: в конце концов Майлз был не в мундире. Капрал снял с пояса сканер и демонстративно подверг женщину досмотру – возможно, он даже приказал бы ей раздеться, если бы не присутствие Майлза. Наконец, доказав всему свету, какой он бдительный, сознательный и преданный, капрал приложил ладонь к замку ворот, ввел в компьютер все данные (включая снимок сетчатки глаз посетительницы) и картинно вытянулся в струнку. Майлз усмехнулся и, взяв оборванную женщину за локоть, повел ее через ворота и вверх по извилистой дорожке.

Горянка постаралась сразу же освободиться от его руки, но от суеверного жеста все-таки снова удержалась – только смотрела на Майлза со странно жадным любопытством. Было время, когда такое откровенное разглядывание заставило бы Майлза закрипеть зубами, но теперь он воспринимал его невозмутимо, даже с насмешкой. Они еще научатся. Они привыкнут.

– Ты служишь графу Форкосигану, человек? – осторожно спросила женщина.

Майлз на секунду задумался над ее вопросом, потом кивнул.

В конце концов это соответствовало истине практически во всех смыслах, за исключением того, который имела в виду собеседница. Майлза так и подмывало сказать, что он – придворный шут, но он сдержался. Судя по виду женщины, у нее неприятности гораздо крупнее его собственных.

Видимо, горянка была не слишком уверена в своих правах, хотя и упорствовала там, у ворот; но сейчас, по мере приближения к цели, ее все сильнее охватывала паника.

– Как... как мне обратиться к графу? – выдавила наконец она. – Надо сделать книксен? Женщина осмотрела себя, словно впервые заметив, какая она потная, грязная и растрепанная.

«Стань на колени и стукнись три раза лбом об пол, а потом говори – так всегда делают в Главном штабе». Вместо этого Майлз сказал:

– Просто стой прямо и говори правду. Старайся говорить ясно. Граф все поймет. В конце концов, – у Майлза чуть изогнулись губы, – опыта ему не занимать.

Женщина с трудом сглотнула.

Сто лет тому назад нынешняя резиденция Форкосиганов была баракком охраны, неприглядным строением вблизи огромного замка, воздвигнутого на холме над деревней Форкосиган-Сюрло. Теперь от замка остались выгоревшие развалины, а барак превратился в удобное низкое каменное здание, неоднократно модернизированное, окруженное старательно ухоженным парком. Цветущие выюнки заплели фасад снизу доверху. Прежние амбразуры расширили до размера огромных окон, и теперь оттуда открывался прекрасный вид на озеро. Крыша щетилилась антеннами. Ниже по склону, за деревьями, пряталось новое помещение охраны, но амбразур в нем не было.

Когда Майлз и его странная спутница подошли к дому, из парадной двери появился человек в коричнево-серебряной ливрее. Это был новый слуга. Как же его зовут?.. Пим, вот как.

– Где милорд граф? – обратился к нему Майлз.

– В верхнем павильоне, завтракают с миледи.

Взглянув на поселянку, Пим застыл в позе вежливого вопроса.

– Вот как... Ну ладно, эта женщина шла четыре дня, чтобы подать жалобу окружному судье. Его нет, но зато граф здесь. Так что она решила обойтись без посредников и обратиться прямо к начальству. Отведи ее к графу, хорошо?

– Во время завтрака? – спросил Пим.

Майлз склонил голову набок и обратился к женщине:

– Ты завтракала?

Та отрицательно помотала головой.

– Так я и думал. – Майлз вытянул руки с открытыми ладонями в знак того, что поручает ее заботам слуги. – Да, прямо сейчас.

– Мой отец, он погиб на службе, – чуть слышно повторила женщина. – Это мое право.

Похоже, этими словами она старалась убедить не столько других, сколько себя.

Пим был хоть и не горцем, но все же человеком местным.

– Пусть будет по-вашему, – вздохнул он и без долгих слов сделал женщине знак следовать за ним. С расширившимися от страха глазами горянка поплелась за слугой, то и дело оглядываясь на Майлза:

– Человечек?..

– Просто стой прямо! – крикнул он ей.

Проводив их взглядом до угла, Майлз ухмыльнулся и, перешагивая через две ступени, поспешил к парадному входу в резиденцию.

Побрившись и приняв холодный душ, Майлз оделся в своей комнате, окна которой выходили на озеро. Одевался он очень тщательно – не менее тщательно, чем два дня назад, собираясь на выпускной вечер академии и императорский парад. Чистое белье, кремовая рубашка с длинными рукавами, темно-зеленые брюки с лампасами. Зеленый мундир с высоким воротником, пошитый специально на его неловкую фигуру. На воротнике красовались ромбы младшего лейтенанта. Сняв ножной экзоскелет, Майлз натянул блестящие сапоги до колен и пижамой смахнул с них пыль. Пижамы подвернулась под руку, потому что перед тем, как идти купаться, Майлз сбросил ее на пол.

Выпрямившись, он осмотрел себя в зеркале. Темные волосы еще не отрасли после стрижки к церемонии выпуска. Бледное лицо с резкими чертами, мешков под глазами почти не видно, да и сами глаза почти не покраснели – увы, недостаточная выносливость к спиртному заставила Майлза прекратить празднование задолго до того, как оно могло бы серьезно отразиться на его внешности.

В голове молодого человека еще звучали отголоски выпускной церемонии, и он радостно ухмыльнулся. Вот и он начал свою карьеру, крепко уцепился за первую перекладину самой высокой на Барраяре служебной лестницы – Имперской службы. Там не было поблажек даже для сыновей старейших форов – ты получаешь только то, что заслужил. Пусть посторонние сомневаются, но собратья-офицеры это знают точно. Наконец-то Майлз сможет показать всем сомневающимся, чего он стоит. Вперед и вверх, без оглядки на прошлое!

Но сейчас еще предстояло бросить последний взгляд назад. Так же тщательно, как он только что одевался, Майлз собрал все необходимое. Белые матерчатые нашивки кадета академии. Каллиграфическая копия его нового офицерского патента, заказанная специально для этой цели. Копия зачетной ведомости за все три года академии со всеми похвальными отзывами и выговорами. В это утро нет смысла кривить душой. На первом этаже в шкафу Майлз нашел медную курильницу и треножник, бережно завернутые в ткань, и пластиковый пакет с сухой корой можжевельника. Так, теперь химические зажигательные палочки.

Он выскользнул из дома через черный ход и пошел вверх по холму. Вскоре тропинка раздвоилась: правая шла к павильону на вершине холма, левая – вдоль склона к окруженной невысокой оградой площадке. Майлз толкнул калитку.

– Доброе утро, сумасшедшие предки! – крикнул он, потом посерьезнел.

Пройдя между могилами, Майлз нашел ту, которая была ему нужна, опустился на колени и установил треножник с курильницей. На надгробии было высечено только «Генерал граф Петер Форкосиган» – и даты. Если бы камнерезы попытались записать все его награды и подвиги, им пришлось бы перейти на микрошрифт.

Майлз уложил в курильницу кору, выстраданные тяжким трудом бумаги, нашивки кадета и прядь своих темных волос, сбереженную после последней стрижки. Он поджег все это и, усевшись на пятки, стал смотреть на пламя. В течение долгих лет он сотни раз представлял себе эту минуту во множестве вариантов – начиная от торжественных речей до танца нагишом на могиле старика. Кончилось тем, что он выбрал традиционную церемонию, без всяких выкрутасов. Все между ними двоими, и никого постороннего.

– Ну вот, дедушка, – провозгласил наконец Майлз, – вот мы и здесь. Теперь ты доволен?

Позади остались суматоха выпускных церемоний, сумасшедшие усилия последних трех лет, нервотрепка и боль... Они вели к этой минуте – но могила молчала, не сказала ему: «Молодец. Теперь можешь успокоиться». Пепел не составил букв послания, в поднимающемся к небу дыме не возникли видения. Огонь очень быстро догорел. Наверное, слишком мало топлива.

Окруженный солнечным светом и тишиной, Майлз встал и отряхнул колени. Так чего же он ждал? Аплодисментов? Почему он оказался здесь? Он осуществляет мечты мертвого старика... Кому вообще нужна эта Служба? Деду? Ему самому? Чахлому императору Грегору? Да какая разница?

– Ну, старик, – прошептал Майлз, а потом вдруг крикнул: – Ты наконец доволен?

Над кладбищем разнеслось эхо.

За спиной у него кто-то откашлялся. Майлз подпрыгнул как ошпаренный и обернулся. Сердце у него бешено колотилось.

– Э-э... милорд? – осторожно проговорил Пим. – Извините, я не хотел мешать... Но граф, ваш отец, просят вас прийти в верхний павильон.

Лицо слуги оставалось совершенно невозмутимым. Майлз слотнул, выжидая, когда поблекнет яркая краска, залившая его щеки.

– Хорошо. – Он пожал плечами. – Огонь почти догорел. Я попозже все приберу. Не... разрешай никому к этому прикасаться.

Он прошествовал мимо Пима и не стал оборачиваться.

Павильон был легкой постройкой из старого серебристого дерева, открытой со всех четырех сторон. С запада тянул ветерок, и Майлз подумал, что после полудня можно будет покататься на яхте. Осталось только десять дней драгоценного отпуска, а ему так много всего хотелось – в том числе съездить в Форбарр-Султан с кузеном Айвенотом, чтобы выбрать новый легкий флайер. А потом он получит свое первое назначение. Он с трудом справился с искушением попросить отца сделать так, чтобы это обязательно было направлением на корабль. Конечно, Майлз с благодарностью примет любое назначение, какое пошлет ему судьба – таковы правила игры, и он постарается выиграть с любыми доставшимися ему картами.

В павильоне было сумрачно и прохладно. Здесь стояли удобные старые кресла и столы, на одном из которых виднелись остатки обильного завтрака. Майлз заприметил два одиноких пончика на полном крошек подносе и уже мысленно предназначил их для собственного употребления. Мать как раз допивала последнюю чашку чая. Она улыбнулась сыну через стол.

Отец, одетый в рубашку с открытым воротом и шорты, уже позавтракал и перебрался в потрепанное кресло. Эйрел Форкосиган был коренастым седовласым мужчиной с тяжелым подбородком, густыми бровями и шрамом на нижней челюсти. Такое лицо очень удобно для недоброго шаржа – Майлз повидал немало таких карикатур в печати оппозиции и в памфлетах противников Барраяра. Достаточно было изменить только одну деталь – сделать тусклыми эти яркие пронизательные глаза, – и получалась типичная пародия на военного диктатора.

«Как сильно не дает ему покоя дед? – гадал Майлз. – Внешне почти ничего не заметно. Но в конце концов это и не должно быть заметно. Адмирал Эйрел Форкосиган, непревзойденный стратег космического боя, покоритель Комарры, герой Эскобара, в течение шестнадцати лет был регентом империи и верховным властителем Барраяра, хотя и не носил императорского титула. А потом нарушил все предсказания и снискал себе неувядаемую славу, добровольно передав власть достигшему совершеннолетия императору Грегору. Так что жизнь адмирала Эйрела затмевала даже достижения генерала Петера...»

И с чем теперь остался младший лейтенант Майлз? С двумя двойками и джокером. Надо или сдаваться, или блефовать по-черному...

Горянка сидела на низенькой скамеечке, держа в руке недоеденный пончик. Утратив дар речи, она уставилась на Майлза во всем его великолепии. Когда молодой человек поймал ее взгляд, губы женщины сжались, а глаза вспыхнули. Выражение ее лица показалось ему каким-то странным. Что это – гнев, радость, смущение, ликование или какая-то непонятная смесь всех этих чувств? «За кого ты меня приняла, женщина?»

Поскольку Майлз был в мундире, он встал перед отцом навтыжку.

– Сэр?

Граф Форкосиган обратился к женщине:

– Это мой сын. Если я пошлю его в качестве моего Голоса, тебя это удовлетворит?

– Ох, – выдохнула она и тут же расплылась в непонятной яростной улыбке. – О да, милорд!

– Прекрасно! Пусть будет так!

«Что будет?» – встревоженно подумал Майлз.

Граф с довольным видом откинулся в кресле, но сощуренные глаза говорили, что он не на шутку рассержен. Однако гнев его направлен не против этой женщины (они явно в чем-то согласны) и – Майлз быстро проверил себя – не на собственного отпрыска. Молодой человек негромко кашлянул, склонил голову набок и вопросительно улыбнулся.

Граф сдвинул кончики пальцев и наконец обратился к сыну:

– Очень интересное дело. Теперь я понимаю, почему ты послал ее сюда.

– О да, – дипломатично произнес Майлз. На что это он напоролся? Он просто помог ей пройти мимо охранника, это был порыв донкихотства – и еще наивное желание подразнить отца за завтраком...

Брови графа Форкосигана поползли вверх.

– Ты не знал?

– Она говорила об убийстве и о равнодушии местных властей. Я решил, что ты направишь ее к судье...

Граф еще глубже вжался в кресло и задумчиво потер шрам на подбородке.

– Это дело об убийстве ребенка.

У Майлза все внутри похолодело. «Я не хочу с этим связываться! Ну, теперь понятно, почему у нее при таких грудях не было младенца».

– О таких случаях властям почти никогда не сообщают. Мы уже больше двадцати лет воюем против старых обычаев, – продолжал граф. – Пропаганда, просвещение... В городах прогресс немалый.

– В городах, – вполголоса произнесла графиня, – у людей есть альтернативные выходы.

– Да. Но в захолустье почти ничего не изменилось. Мы знаем, что происходит, но без доклада, без жалобы... А семья обычно защищает своих... Уцепиться не за что.

– А какая, – Майлз снова откашлялся и кивнул женщине, – была мутация у твоего ребенка?

– Кошачий рот. – Женщина ткнула себе в губу. – Сосала она плохо – захлебывалась и плакала, но молока ей хватало, хватало!

– Заячья губа. – Графиня Форкосиган, родившаяся на Колонии Бета, перевела барраярское название на общепринятый галактический язык. – И похоже, несращение нёба. Харра, это даже не мутация. Это даже на Старой Земле встречалось. Э-э... Нормальный врожденный дефект, если можно так выразиться. Это не наказание за то, что твои барраярские предки прошли через Огонь. Простой операции было бы достаточно...

Графиня замолчала. На лице горянки отразилась душевная мука.

– Я слышала, – сказал она, – милорд построил в Хассадаре больницу. Я собиралась отнести девочку туда, когда немного окрепну, хотя денег у меня не было. Ручки и ножки у нее были здоровенькие, все это видели... – Голос у женщины сорвался. – Но Лэм успел ее убить.

Майлз прикинул: неделя ходьбы из Дендарийских гор к долинному городу Хассадару. Понятно, что сразу после родов такой переход был ей не по силам. А флайеру всего час лету...

– Итак, мы получили заявление об убийстве, – сказал граф Форкосиган, – и нам предстоит разобраться дело. Это дает законный повод обратиться с посланием к самым отдаленным уголкам наших владений. Ты, Майлз, будешь моим Голосом, который прозвучит там, где не звучал еще никогда. Ты осуществишь графское правосудие – и не тайком. Пора покончить с обычаями, выставляющими нас дикарями в глазах всей галактики.

Майлз с трудом сглотнул.

– А разве местный судья не больше подходит...

Граф чуть улыбнулся:

– Для этого дела лучше тебя никого не найдешь.

Посланник и послание в одном лице! Как бы Майлзу сейчас хотелось оказаться не здесь – где угодно, но не здесь! Уж лучше снова обливаться кровавым потом на выпускных экзаменах. Он с трудом подавил непристойный вопль: «Мой отпуск!» Но теперь отнекиваться поздно...

Майлз почесал затылок:

– Кто... э-э... кто же убил твою девочку?

«Кого это я должен схватить и поставить к стенке?»

– Мой муж, – без всякого выражения проговорила женщина, уставившись на отполированные серебристые доски пола.

«Так я и знал, что история получится некрасивая...»

– Она все плакала и плакала, – монотонно говорила женщина, – и никак не засыпала, ведь сосала-то она плохо... А он заорал, дескать, заставь ее замолчать...

– И тогда? – подсказал Майлз, которого уже начинало тошнить.

– Он обругал меня и пошел спать к своей матери. Он сказал, по крайней мере там работник может поспать. Я-то ведь тоже не спала...

Похоже, парень что надо. Майлз представил себе огромного полудикого горца, привыкшего помыкать женой... Но в развязке явно чего-то не доставало.

Граф тоже это заметил. Он слушал внимательно, как на совещании в генштабе: тело расслаблено, веки опущены, так что можно подумать, будто он задремал. Однако такое предположение было бы серьезной ошибкой.

– Ты сама все видела? – спросил он обманчиво мягким тоном, заставившим Майлза насторожиться. – Ты действительно видела, как он ее убил?

– Утром я нашла ее мертвой, милорд.

– Ты вошла в спальню... – подсказал граф Форкосиган.

– У нас только одна комната. – Женщина посмотрела на него так, словно впервые усомнилась в графском всеведении. – Она заснула, заснула наконец. Я пошла набрать немного блестяники, вверх по лощине. А когда вернулась... Мне надо было взять ее с собой, но я так радовалась, что она наконец-то заснула, я не хотела ее будить... – Из крепко зажмуренных глаз женщины потекли слезы. – Я не стала ее будить, когда вернулась. Я решила поесть и отдохнуть, но у меня набралось молоко, – она прикоснулась к груди, – и я пошла к колыбели...

– И что, на девочке не было никаких отметин? Горло не перерезано? – спросил граф. Так обычно совершались убийства младенцев в захолустье – быстро и надежно, не то что, например, переохладение.

Женщина покачала головой:

– По-моему, ее задушили подушкой, милорд. Жестоко, это было так жестоко! А наш староста говорит, что я сама ее заспала. И не захотел принять мою жалобу на Лэма. Не заспала я ее, не заспала! У нее была собственная колыбелька. Лэм смастерил ее, когда моя дочка еще была у меня в животе...

Женщина была близка к истерике.

Граф обменялся взглядом с женой и чуть наклонил голову. Графиня Форкосиган легко встала.

– Харра, давай спустимся вниз. Тебе надо умыться и отдохнуть, а потом Майлз отвезет тебя домой.

Горянка была совершенно ошарашена:

– Но не в ваших же покоях, миледи!

– Извини, другого помещения у меня здесь нет. Если не считать казармы. Охранники – хорошие парни, но они будут тебя стесняться...

С этими словами графиня увела ее.

– Ясно, – сказал граф Форкосиган, как только женщины отошли достаточно далеко и уже не слышали его слов, – что тебе сначала надо будет проверить медицинские факты, и уже только потом... орудовать. И я надеюсь, ты обратил внимание на небольшую проблему с установлением личности преступника. Этот прецедент может оказаться идеальным для публичного правосудия, но только в том случае, если все совершенно ясно. Хватит действовать втихомолку.

– Я не могу делать медицинских заключений, – поспешно напомнил Майлз. Может, еще удастся отговориться...

– Конечно. Ты возьмешь с собой доктора Ди.

Лейтенант Ди был помощником личного врача премьер-министра, и Майлз был с ним немного знаком. Этот честолобивый молодой медик постоянно находился в состоянии глубочайшей досады, поскольку его начальник не позволял ему прикасаться к столь важному пациенту... «О, Ди будет в восторге от такого задания», – мрачно решил Майлз.

– Он может прихватить и оборудование для лечения переломов, – добавил граф, немного оживившись. – На всякий случай.

– Какая предусмотрительность! – отозвался Майлз, трагически закатывая глаза. – Послушай, э-э... А вдруг все подтвердится и мы прищучим этого парня. Я что, должен лично...

– Один из наших слуг будет твоим телохранителем. И если потребуется, выполнит работу палача.

Что ж, подумал Майлз, и на том спасибо.

– А мы не можем дождаться судьи?

– Любое решение, которое принимает судья, принимается от моего имени. Когда-нибудь оно будет приниматься от твоего имени. Пора тебе узнать, как это происходит на практике. И хотя исторически форы появились как каста военных, обязанности лорда-фора никогда не ограничивались только военной службой.

Выхода нет. Проклятие, проклятие! Майлз вздохнул.

– Ладно. Хорошо... На флайере мы доберемся туда часа за два. Вероятно, придется еще поискать эту дыру... Свалимся на них с неба, соберем народ и учиним суд и расправу... Домой вернемся к ночи.

«Поскорее бы покончить с этим».

Граф опять прищурился.

– Нет, – медленно проговорил он, – не на флайере.

– Но в горах наземная машина не пройдет! – запротестовал Майлз. – Там нет дорог, только тропы. Не думаю, что наша прогулка пешком укрепит уважение горцев к закону и власти.

Отец взглянул на свежайшую офицерскую форму Майлза и чуть улыбнулся:

– Ну, пока у тебя неплохо получались марш-броски.

– Но представь себе, как я буду выглядеть после трех-четырех дней в полевых условиях! Ты не видел нас после маршей. И не нюхал.

– Я тоже через это прошел, – сухо ответил адмирал. – Но ты совершенно прав. Не пешком. У меня есть идея получше.

«Мой собственный кавалерийский эскадрон, – с иронией подумал Майлз, – точь-в-точь как у деда». Вообще-то он был уверен, что у старика нашлось бы немало язвительных замечаний относительно всадников, следовавших за Майлзом по лесной дороге, – дед высказал бы их после того, как отсмеялся при виде их посадки. Со смертью старика конюшни Форкосиганов захирели: лошади для поло проданы, немногих породистых (и норовистых) скакунов пустили пастись на свободе. Несколько верховых лошадей сохранили за уверенный шаг и добрый нрав, чтобы при желании ими могли воспользоваться редкие гости. За лошадьми ухаживали девочки из деревни.

Майлз подобрал поводья, напряг ногу, и Толстый Дурачок, выполнив аккуратный полуповорот, сделал два шага назад. Даже самый несведущий горожанин не принял бы этого приземистого чалого конька за горячего скакуна, но Майлз обожал его – за темные влажные глаза, широкий бархатистый нос, флегматичный нрав, который не тревожили ни бурные потоки, ни сигналы флайеров, но больше всего – за дивное послушание. Просто побыв с ним рядом, человек становился спокойнее – он снимал все отрицательные эмоции, как мурлыкающая кошка.

Майлз потрепал Толстого Дурачка по холке.

– Если кто-нибудь спросит, – пробормотал он, – я скажу, что тебя зовут Верховный Вождь.

Толстый Дурачок повел мохнатым ухом и шумно вздохнул.

К странной процессии, которую сейчас возглавлял Майлз, немалое отношение имел его дед. Великий генерал всю свою юность партизанил в этих горах. Здесь он остановил цетагандийских завоевателей, а позднее заставил их ретироваться. Правда, контрабандные самонаводящиеся зенитные установки, ценой страшных жертв доставленные на планету, способствовали этой победе гораздо больше, чем кавалерия. Дед признавался, что кавалерийские лошади спасли его армию во время самой жестокой военной зимы главным образом благодаря тому, что их можно было есть. Но дух романтики сделал лошадь символом героических походов Петера Форкосигана.

Впрочем, Майлз считал, что отец излишне оптимистичен, полагая, будто слава старика может защитить семью от любых невзгод. Тайники и лагеря партизан давно превратились в заросшие лесом холмы. Да, черт подери, именно лесом, а не бурьяном или там кустарником. А люди, которые воевали под командой деда, давно легли в землю. Что здесь делать Майлзу? Его судьба – космические корабли, скачки к далеким мирам сквозь п-в-туннели...

Размышления юноши прервала лошадь доктора Ди: ей не понравилась лежавшая поперек тропы ветка, и она, захрапев, резко остановилась. Доктор Ди с жалобным возгласом свалился на землю.

– Не бросайте поводья! – крикнул Майлз, заставив Толстого Дурачка попятиться.

Ди уже неплохо научился падать: на этот раз он приземлился почти на ноги. Доктор попробовал ухватиться за болтающиеся поводья, но соловая кобылка отпрянула в сторону. Почуввав свободу, она помчалась по тропе, лихо распустив хвост, что на лошадином языке означало: «Не поймаешь, не поймаешь!» Разозлившийся и покрасневший доктор Ди с проклятиями кинулся за ней. Соловая тут же пустилась рысью.

– Нет-нет, не бегите! – крикнул Майлз.

– Как же, к дьяволу, я ее поймаю, если не побегу за ней? – огрызнулся Ди. – На этом чертовом животном осталась моя аптечка!

– А как, по-вашему, вы ее поймаете, если будете за ней гоняться? – спросил Майлз. – Она гораздо быстрее вас.

Тем временем Пим, замыкавший их маленький отряд, развернул свою лошадь поперек тропы и загородил путь беглянке. Но та разгадала его маневр и свернула в сторону.

– Не суетись, Харра, – посоветовал Майлз, заметив беспокойство своей спутницы, и Харра Журик покорно ссутулилась на лошади, не мешая той идти как хочет. Она полагалась на равновесие и не пыталась пользоваться поводьями, в отличие от невезучего Ди. Замыкавший цепочку Пим держался в седле вполне уверенно, хотя и без удовольствия.

Майлз пустил Толстого Дурачка шагом вслед за сбежавшей кобылкой. «Я совсем не собираюсь тебя ловить. Мы просто наслаждаемся пейзажем. Вот так, а теперь остановимся перекусить». Соловая, отбежав, принялась пощипывать травку, но продолжала косить глазом на приближающегося Майлза.

Остановившись достаточно далеко, чтобы не возбудить ее опасений, Майлз спешил и, не обращая внимания на беглянку, начал демонстративно шарить по карманам. Толстый Дурачок нетерпеливо подтолкнул хозяина мордой, и тот, ласково приговаривая, дал ему кусок сахара. Кобылка заинтересованно подняла уши. Толстый Дурачок причмокнул и снова подтолкнул Майлза, прося добавки. Кобылка подошла и зафыркала, требуя своей доли. Она сняла губами кусок сахара с ладони Майлза, а молодой человек тем временем тихо взял поводья.

– Ну вот, доктор Ди, получайте вашу лошадь. И никакой беготни.

– Нечестно, – пропыхтел Ди, рысцой подбегая к Майлзу. – У вас в кармане был сахар.

– Конечно, у меня в кармане был сахар. Это называется предусмотрительностью и планированием. Секрет обращения с лошадьми: не пытайтесь быть быстрее лошади или сильнее ее. Этим вы противопоставляете свои слабости ее сильным сторонам. Весь фокус в том, чтобы

быть умнее лошади. Тогда мы противопоставляем ее слабости нашу сильную сторону. Не так ли?

Ди принял поводья и подозрительно оглядел свою животину.

– Она надо мной смеется.

– Это называется ржать, а не смеяться, – ухмыльнулся Майлз.

Он похлопал Толстого Дурачка по крупу, и тот послушно опустился на одно колено. Майлз легко вдел ногу в стремя.

– А моя это делает? – спросил доктор Ди, зачарованно наблюдая за ним.

– К сожалению, нет.

Ди сердито нахмурился.

– Это животное – настоящий debil. Уж лучше я его поведу.

Толстый Дурачок встал, а Майлз с трудом удержался от едкого замечания в духе деда: «Будьте умнее лошади, Ди». Хотя доктор на время расследования был официально подчинен Майлзу, космоврач лейтенант Ди был чином выше младшего лейтенанта Форкосигана. Чтобы командовать тем, кто старше тебя и по возрасту, и по воинскому званию, требуется определенный такт.

Дорога стала чуть шире – здесь по ней вывозили лес, – и Майлз поехал рядом с Харрой Журик. Ее вчерашняя решимость, казалось, по мере приближения к дому, убывала. Или, может быть, бедняжка просто вымоталась: утром она почти все время молчала, а после полудня вообще как язык проглотила. Если эта женщина утянет его за тридевять земель, а потом скиснет...

– Где именно служил твой отец, Харра? – попытался разговорить горянку Майлз.

Женщина принялась расчесывать пальцами волосы, но ее жест свидетельствовал, скорее, о волнении, чем о желании покрасоваться. Сквозь эти спутанные пряди соломенного цвета Харра смотрела на него, как пугливый зверек из-за живой изгороди.

– В ополчении, милорд. Я его совсем не помню, он погиб, когда я была еще маленькая.

– В бою?

Харра кивнула:

– В столице, в беспорядках во время восстания самозванца Фордариана.

Майлз не стал спрашивать, на чьей стороне воевал ее отец: у большинства рядовых выбора не было, а императорская амнистия касалась не только тех, кто уцелел, но и погибших.

– А у тебя есть братья или сестры?

– Нет, милорд. Остались только мы с матерью.

Напряжение чуть отпустило Майлза. Если его приговор действительно приведет к казни, то один неверный шаг может вызвать кровную вражду между семьями. Отец наверняка не хотел бы, чтобы правосудие привело к такому результату. Значит, чем меньше заинтересованных лиц, тем лучше.

– А в семье твоего мужа?

– У него семеро – четыре брата и три сестры.

– Гм.

Майлз на мгновение представил целую ораву огромных разгневанных горцев. Он невольно оглянулся на Пима: для выполнения задания явно не хватает сил. Майлз уже говорил об этом отцу, когда они вчера вечером планировали экспедицию.

– Тебя поддержит деревенский староста и его помощники, – сказал граф. – Так же, как они помогают судье, когда тот приезжает на выездное заседание.

– А если они не захотят мне помогать? – тревожно спросил Майлз.

– Офицер, собирающийся командовать войсками императора, – сверкнул глазами граф Форкосиган, – должен сообразить, как добиться поддержки от сельского старосты.

Иначе говоря, премьер-министр решил, что это предприятие будет хорошим испытанием для сына, и отказывался подсказывать ему возможные варианты выхода из идиотского положения. «Спасибо, папочка».

– А у вас нет братьев и сестер, милорд? – спросила Харра, и Майлз сразу же вернулся в настоящее.

– Нет. Но ведь это наверняка известно всем даже в вашем захолустье.

– О вас много чего говорят, – пожала плечами Харра.

Майлз закусил вопрос зубами, как ломтик лимона. Он не спросит, не спросит... Нет, ничего не поделаешь.

– А что, например? – процедил он.

– Все знают, что сын графа – мутант. – Во взгляде женщины мелькнул вызов. – Некоторые говорят, что это из-за инопланетянки, на которой граф женился, а еще, мол, от радиации во время боев, или из-за... того, что в юности он развратничал с другими офицерами...

Последняя версия была для Майлза полной неожиданностью.

– ...но большинство думает, что его отравили враги.

– Я рад, что большинство не ошибается. На отца устроили покушение с помощью газобразного солтоксина, как раз когда мать была мною беременна. Но это не...

«Не мутация, – пошла по знакомой дорожке его мысль. – Сколько раз я уже это объяснял? Это дефект развития, а не генетическое уродство, я не мутант, не...» Но какое значение имеет эта биохимическая тонкость для невежественной женщины, только что потерявшей ребенка? Для нее он все равно мутант.

– Это не важно, – закончил Майлз.

Харра искоса посмотрела на него.

– А еще люди говорят, что вы родились без ног и живете в особняке Форкосиганов в летающем кресле. А некоторые даже утверждают, что вы родились без костей...

– И надо полагать, меня держат в стеклянной банке в подвале, – пробормотал юноша.

– Но Кейрел рассказывал, как видел вас с дедом на Хассадарской ярмарке, и что вы просто больной и недоросток. И еще говорили, будто отец устроил вас на Службу, а другие спорили, что вы улетели на планету матери и там ваш мозг превратили в компьютер, а тело кормят через трубочки, погрузив в жидкость.

– Я так и знал, что где-нибудь да появится банка с жидкостью, – поморщился Майлз.

«А еще ты знал, что пожалеешь о своем вопросе – и все-таки его задал». Ему вдруг показалось, что Харра намеренно дразнит его. Да как она посмела!.. Но веселья на лице женщины было не заметно, только напряженное внимание.

Она рискнула очень, очень многим, придя к своему сюзерену с известием об убийстве – вопреки воле семьи и местных властей, вопреки обычаям. И кого же граф дал ей в качестве защиты и поддержки против гнева всех ее близких? Калеку, выродка! Справится ли он? Конечно, Харра сомневается и тревожится. Вдруг он все испортит, сдастся и убежит, оставив ее одну расхлебывать бурю ярости и мщения?

Майлз уже жалел, что не оставил ее плакать у ворот.

Лес – плод многолетних усилий терраформистов – вдруг кончился, уступив место заросшей бурым кустарником долине – исконно барраярскому пейзажу. Посреди долины вилась какая-то непонятная зелено-розовая лента; когда они подъехали ближе, Майлз с изумлением понял, что это – дикие розы. Настоящие земные розы. Тропа нырнула в их благоуханные заросли и исчезла.

Теперь Майлз и Пим по очереди прорубали дорогу своими армейскими ножами. Ветви у роз были мощными, утыканными толстыми шипами; они с успехом наносили людям упругие ответные удары. Толстый Дурачок помогал, как мог, срывая зубами цветы и радостно их жуя. Майлз не знал, опасно ли это: то, что растение не барраярское, еще не значит, что лошадь им

не отравится. Отсасывая кровь из уколотого пальца, он размышлял о трудной экологической истории Барраяра.

Пятьдесят тысяч первопроходцев должны были стать только передовым отрядом колонизации планеты. Но внезапная гравитационная аномалия перекрыла пространственно-временной туннель, связь с Землей прервалась, а вместе с ней пошла прахом и тщательно спланированная программа освоения новой планеты. Привезенные с Земли растения и животные вышли из-под контроля и одичали; люди тоже сосредоточились на проблемах выживания. Биологи до сих пор горюют из-за массового исчезновения местных видов, эрозий, засух и наводнений, но на самом деле, решил Майлз, в течение многовекового Периода Изоляции виды обоих миров достигли равновесия. Если живая тварь плодится и покрывает землю, то какая разница, откуда она взялась?

«Мы все появились здесь случайно. Как розы».

Этой ночью путники разбили лагерь на вершине холма. Наутро они добрались до подножия настоящих гор и вышли за пределы тех мест, которые Майлз знал с детства. Теперь он часто сверял указания Харры со своей картой, сделанной по орбитальным съемкам. На закате второго дня они были уже всего в нескольких часах пути от цели. Харра уверяла, что сможет привести их туда до наступления темноты, но Майлзу не хотелось приезжать ночью в незнакомую деревню, где их встретят без всякой радости.

На рассвете он искупался в ручье и оделся в только что распакованную форму офицера императорской армии. На Пиме была коричневая с серебром ливрея Форкосиганов; на раскладном алюминиевом древке, упертом в стремя, он держал графский штандарт. Ди остался в своем черном полевом комбинезоне, но вид при этом у доктора все равно был смущенный. «Разряжены мы убийственно», – невесело подумал Майлз. Если во всем этом маскараде и был какой-то глубинный смысл, то Майлз его не улавливал.

Утро еще не кончилось, когда отряд остановил лошадей перед маленьким домиком на краю рощи сахарных кленов. Деревья, посаженные неизвестно когда, с годами взбирались все выше по склону, забрасывая вперед свои легкие семена. Горный воздух был прохладен и свеж. В зарослях сорняков копались куры; забитая тиной деревянная труба роняла капли воды в корыто.

Харра соскользнула с лошади, разгладила юбку и поднялась на крыльцо.

– Кейрел? – позвала она. Застыв в седле, Майлз с непреклонно-решительным видом дожидался первой встречи. Никогда не следует терять психологическое преимущество.

– Харра? Это ты? – откликнулся мужской голос. Распахнув дверь, староста выбежал из дома. – Где ты была, девочка? Мы тебя искали, думали, ты сломала себе шею где-нибудь в зарослях!.. – Тут он умолк, заметив трех неизвестных всадников.

– Ты отказался признать мое обвинение, Кейрел, – поспешно проговорила Харра. Она нервно теребила свою юбку. – И я пошла к судье в Форкосиган-Сюрло, чтобы пожаловаться ему.

– Ах, девочка, – горестно вздохнул Кейрел, – как это глупо, как глупо...

Он покачал головой и тревожно посмотрел на приезжих. Это был лысеющий человек лет шестидесяти, загорелый, обветренный и грузный. Левая рука его заканчивалась культей – еще один ветеран.

– Староста Зерг Кейрел? – сурово заговорил Майлз. – Я – Голос графа Форкосигана. Мне поручено расследовать преступление, о котором заявила Харра Журик перед графским судом: убийство ее дочери, младенца Райны. Как староста Лесной Долины вы должны мне содействовать и помогать вершить графское правосудие.

Произнеся эту сакраментальную формулу, Майлз умолк, ожидая ответа. Толстый Дурачок фыркнул. Шитый серебром по коричневому фону штандарт негромко хлопал на ветру.

– Окружного судьи на месте не было, – вставила Харра, – но граф был.

Побледневший Кейрел пристально смотрел на Майлза. Наконец взяв себя в руки, он постарался встать навытяжку и отвесил неловкий поклон.

– Кто... кто вы, сэр?

– Лорд Майлз Форкосиган.

Кейрел зашевелил губами. Майлз не умел читать по губам, но был совершенно уверен, что староста в отчаянии беззвучно выругался.

– А это мой слуга сержант Пим и медицинский эксперт, лейтенант Имперской службы Ди.

– Вы сын милорда графа?

– Тот самый, единственный.

Майлзу уже надоела эта игра. Наверное, для первого впечатления достаточно. Он соскочил с Дурачка и легко приземлился на носки. Кейрел изумленно смотрел на него сверху вниз. «Да, вот такой я низенький. Но подожди, милашка, увидишь, как я танцую!» Перекинув поводья через руку, Майлз шагнул прямо к корыту.

– Нам можно напоить здесь лошадей?

– Э-э... это для людей, милорд, – спохватился Кейрел. – Подождите, я принесу ведро.

Подтянув обвисшие брюки, он поспешно потрусил за дом. Наступила минута тишины, потом донесся голос старосты:

– Где у вас козье ведро, Зед?

Ему ответил другой голос, высокий и молодой:

– За поленницей, па.

Послышалось невнятное бормотание, и Кейрел притрусил обратно с помятым алюминиевым ведром, которое поставил у корыта. Он выбил затычку, и искристая струя чистой воды зазвенела о ведро. Толстый Дурачок шевельнул ушами и потерял тяжелой головой о Майлза, оставив на мундире рыжие с белым шерстинки и чуть не сбив хозяина с ног. Кейрел поднял глаза и улыбнулся лошади, но улыбка пропала, едва он перевел взгляд на ее хозяина. Пока Толстый Дурачок шумно пил, Майлз успел мельком заметить обладателя второго голоса – мальчишку лет двенадцати, улепетывавшего в кленовую рощу.

Майлз оставил Пима расседлывать и кормить животных, а сам прошел за Кейрелом в дом. Харра ни на шаг не отходила от Майлза, и доктор Ди со своим врачебным чемоданчиком тоже потащился за ним. Сапоги Майлза угрожающе протопали по дощатому полу.

– Жена вернется к вечеру, – сообщил староста, бесцельно бродя по комнате.

Майлз и Ди устроились на скамье, а Харра села на пол у выложенного булыжниками очага и обхватила руками колени.

– Я... я заварю чай, милорд.

И Кейрел бросился из дома наполнить чайник, прежде чем Майлз успел произнести: «Нет, спасибо». Ладно, пусть успокоит нервы повседневными делами. Может, тогда удастся определить, насколько его смущение связано с присутствием высокопоставленных незнакомцев, а насколько – с чувством вины. К тому времени когда староста поставил полный чайник на уголья, он уже заметно лучше владел собой, поэтому Майлз решил приступить к делу.

– Я бы предпочел начать расследование немедленно. Полагаю, оно займет немного времени.

– Оно могло бы и вообще не начинаться, милорд. Младенец умер естественной смертью. На девочке не было никаких отметин. Она была слабенькая, у нее был кошачий рот и бог весть какие еще хвори. Она умерла во сне, по какой-нибудь случайности.

– Просто удивительно, – сухо заметил Майлз, – как часто подобные случайности происходят в этих краях. Мой отец, граф, тоже это отметил.

– Да-да, очень часто. И не стоило утруждать вас из-за такой безделицы. – Кейрел с досадой посмотрел на Харру, но женщина сидела молча и никак не реагировала на происходящее.

– Для меня это не составило труда, – невозмутимо ответил Майлз.

– Право, милорд, – понизил голос Кейрел, – по-моему, ребенка могли заспать. Неудивительно, если в своем горе Харра не хочет в этом признаться. Лэм Журик – хороший парень, хороший работник. На самом деле Харра никого не винит, просто ее рассудок на время помутился из-за несчастья.

Глаза Харры, поблескивавшие из-под копны светлых волос, стали ядовито-холодными.

– Да-да, я понимаю, – сочувственно произнес Майлз, и староста немного приободрился.

– Все еще будет в порядке, пускай только она потерпит, переживет свое горе. Пусть поговорит с беднягой Лэмом. Я уверен, что он не убивал младенца. Не надо ей сгоряча делать то, о чем потом пожалеешь.

– Понимаю, – Майлз позволил своему голосу стать ледяным, – почему Харра Журик сочла необходимым идти четыре дня, чтобы ее выслушали. Вы, похоже, удовлетворяетесь домыслами, староста Кейрел. А я приехал за фактами. Графское правосудие зиждется не на догадках, и у нас нынче не Период Изоляции. Даже в этом захолустье. Расследование начнется сейчас же. Мы не будем делать поспешных выводов, пока не собраны улики. Подтверждение вины или невинности Лэма Журика прозвучит из его собственных уст под действием суперпентотала, который введет ему доктор Ди в присутствии двух свидетелей – я имею в виду вас и одного из жителей деревни по вашему выбору. Просто, быстро и чисто.

«И может быть, тогда я еще до заката смогу уехать из этой забытой богом дыры».

– Я требую, чтобы вы, староста, сейчас же отправились и привели Лэма Журика для допроса. Сержант Пим вам поможет.

Кейрел помедлил, наливая кипяток в большой коричневый заварочный чайник, и только после этого заговорил:

– Я-то повидал мир, милорд. Как-никак, двадцать лет был на Службе. Но большинство здешнего люда никогда не уезжали из Лесной Долины. Сыворотка истины для них все равно что колдовство. Они могут решить, что полученное таким путем признание – неправда.

– Тогда вы с вашим помощником скажете им, что они ошибаются. У нас сейчас не старое доброе время, когда признаний добивались пытками. Кроме того, если Лэм Журик невиновен, он оправдается, не так ли?

Кейрел неохотно отправился в соседнюю комнату и вышел оттуда, натягивая на себя выцветший мундир с капральскими нашивками. Пуговицы на животе у него уже не застегивались. Видимо, Кейрел хранил его для таких вот официальных случаев. На Барраяре люди отдают честь мундиру, а не тому, кто в нем, – следовательно, и возможное недовольство тоже падет на должность, а не на человека, волею судьбы занимающего ее. Майлз оценил этот нюанс.

Кейрел приостановился у двери и оглянулся на Харру, которая сидела у очага, погрузившись в молчание и чуть покачиваясь.

– Милорд, я уже шестнадцать лет староста в Лесной Долине. За все это время никому не пришлось обращаться в суд – ни при споре о правах на воду, ни из-за краж скота, ни даже тогда, когда Нева обвинил Борса в древесном пиратстве, то есть, я хочу сказать, в сборе кленового сока с чужого участка. За все это время у нас ни разу не было кровной вражды.

– Я не собираюсь провоцировать кровную вражду, Кейрел. Я только хочу знать факты.

– В том-то и дело, милорд. Я теперь уже не так верю фактам, как прежде. Иногда от них больше вреда, чем пользы.

Похоже, староста готов был встать на голову, жонглируя кошками, лишь бы вынудить Майлза отступить. Интересно, насколько далеко может зайти его противодействие?

– Вашей деревне не будет дано ее собственного Периода Изоляции, – предостерегающим тоном произнес Майлз. – Сейчас правосудие распространяется на всех. Даже если они – маленькие и слабые. И даже если имеют какой-то дефект. И даже если не могут сами за себя постоять... Ступайте, староста!

Поблудневший Кейрел все понял. Не пытаясь больше спорить, он рысцей припустил по тропинке, а за ним настороженно зашагал Пим, расстегивая на ходу кобуру парализатора.

Напившись чаю, Майлз походил по дому и все осмотрел, хотя ни к чему не прикасался. Очаг был единственным источником тепла, на нем готовили и подогревали воду для купания. Рядом стояла кованая раковина для мытья посуды: ее надо было наполнять вручную из стоявшего возле нее ведра с крышкой. Вода уходила через сливную трубу, присоединяясь к вытекавшему из корыта ручейку. Во второй комнате была спальня – тут стояли широкая кровать и сундуки с домашним скарбом. На чердаке лежало еще три матраса: должно быть, замеченный Майлзом мальчишка был не единственным ребенком в семье. В жилище старосты было тесно, но чисто, все вещи убраны по местам.

На боковом столике громоздились два радиоприемника: один – совсем древний, другой поновее, армейского образца. Старый был вскрыт – видимо, для починки или замены батарей. Еще Майлз обнаружил ящичек, полный всякого радиохлама. Похоже, староста Кейрел по совместительству исполнял обязанности деревенского радиста. Все совпадает. Наверное, они принимают передачи из Хассадара, может, даже мощные правительственные станции из столицы.

Конечно, электричества здесь нет, ведь энергоприемники спутниковой сети очень дороги. Со временем они, надо полагать, придут и сюда – некоторые столь же малочисленные, но экономически более развитые поселения уже ими обзавелись. А вот Лесная Долина застряла на уровне полуживотного существования и вынуждена дожидаться, когда спутников станет так много, что их начнут дарить. Ядерная бомба цетагандийцев, уничтожившая город Форкосиган-Вашнуй, отбросила весь этот край назад на многие годы...

Майлз вышел на крыльцо и облокотился на перила. Вернулся сын Кейрела. В дальнем конце двора стоял Толстый Дурачок; он развесил уши и похрюкивал от удовольствия, а ухмыляющийся мальчишка почесывал ему морду под уздечкой. Но вот младший Кейрел поднял глаза, увидел, что за ним наблюдает графский посланец, и кинулся наутек.

К Майлзу подошел доктор Ди.

– Их уже давно нет. Пора, наверное, доставать суперпентотал?

– Нет, лучше готовьте скальпели для вскрытия. По-моему, именно этим нам придется заниматься.

Ди пристально посмотрел на него:

– Я думал, вы отправили с ним Пима, чтобы произвести арест.

– Нельзя арестовать человека, которого нет на месте. Вы любите спорить, доктор? Хотите пари на марку, что они не приведут Журика? Нет, постойте... Возможно, я ошибся. Вон возвращаются трое...

По тропе шагали Кейрел, Пим и еще один мужчина: огромный, густобровый, угрюмый, с могучими руками и бычьей шеей.

– Харра, – окликнул Майлз, – это твой муж?

Выглядел он соответствующе, именно таким Майлз его себе и представлял. И еще четверо точно таких же братьев, только, наверное, еще здоровее...

Появившаяся рядом с ним Харра шумно вздохнула:

– Нет, милорд. Это Алекс, помощник старосты.

Кейрел остановился у крыльца и начал путано объяснять, почему он пришел без арестанта. Майлз оборвал его, подняв брови:

– Пим?

– Сбежал, милорд, – лаконично сказал тот. – Почти наверняка был предупрежден.

– Согласен.

Майлз хмуро глянул вниз, на Кейрела, который осмотрительно промолчал.

– Харра, где ваше кладбище?

– Вниз по ручью, милорд, в конце лошины. Примерно в двух километрах.

– Берите ваши вещи, доктор, мы пойдем прогуляться. Кейрел, несите лопату.

– Милорд, стоит ли нарушать покой мертвых... – начал было Кейрел.

– Стоит, стоит. В бланке следственного дела, который у меня с собой, есть графа для отчета о вскрытии. А я должен сдать это дело в суд, когда мы вернемся в Форкосиган-Сюрло. Кроме того, у меня есть разрешение ближайшего родственника – так, Харра?..

Та отупело кивнула.

– ...и есть два необходимых свидетеля: вы и ваш... (орангутанг!)... помощник. К нашим услугам врач и дневное освещение – если вы не собираетесь спорить до захода солнца. Единственное, чего нам не хватает, – это лопаты. Или вы готовы копать руками, Кейрел?

Голос Майлза звучал ровно и угрожающе.

Лысеющая голова старосты дернулась:

– По закону ближайшим родственником является отец, если он жив, а его... согласия... у вас нет.

– Кейрел, – оборвал его Майлз.

– Милорд?

– Могила, которую вы будете копать, может оказаться вашей собственной. Вы уже одной ногой в ней стоите.

– Я... принесу лопату, милорд.

День был теплый, золотистый и по-летнему спокойный. Лопата в руках дюжего помощника ритмично врезалась в землю. Внизу, под склоном, меж чистых обкатанных камней журчал ручей. Съездившись в стороне, Харра наблюдала за ними, молчаливая и угрюмая.

Когда могучий Алекс достал из ямы маленький ящичек – такой невообразимо маленький! – сержант Пим отправился патрулировать заросший деревьями край кладбища. Майлз его ничуть не осуждал. Он надеялся только, что в земле на этой глубине достаточно холодно. Алекс открыл ящичек, после чего доктор Ди сделал ему знак отойти и принялся за дело. Помощник старосты тоже предпочел поискать какой-нибудь объект для наблюдения в дальнем конце кладбища.

Ди внимательно осмотрел лежавший в гробике матерчатый сверток, потом вынул его и положил на брезент. Инструменты для вскрытия уже были аккуратно разложены на пластиковом лотке. Он развернул по-особому завязанные яркие тряпицы. Неслышно подкравшаяся Харра взяла их, разгладила и сложила, чтобы потом ими снова можно было воспользоваться, и так же неслышно отошла.

Майлз нащупал в кармане носовой платок, чтобы в случае нужды прикрыть нос и рот, и, подойдя, начал смотреть через плечо доктора. Неприятно, но вытерпеть можно; ему уже приходилось видеть и обонять вещи похуже. Ди через респиратор наговаривал текст отчета в диктофон, висевший на его плече. Сначала он провел визуальный осмотр, пальпируя подозрительные участки рукой в перчатке, потом включил сканер и медленно повел им вдоль тельца.

– Вот, милорд, – сказал Ди, жестом подзывая Майлза поближе. – Почти наверняка это причина смерти, хотя я еще сделаю проверку на токсины. У нее сломана шея. На сканере видно, где был порван спинной мозг, а затем голову младенца вернули в прежнее положение.

– Кейрел, Алекс. – Майлз помахал рукой обоим свидетелям, и они неохотно приблизились к врачу. – Скажите, доктор, это могло произойти случайно? – официальным тоном спросил Майлз.

– Вероятность весьма невелика. Но на место кости возвратили намеренно.

– На это требуется много времени?

– Пара секунд. Смерть наступила мгновенно.

– Для этого нужна большая физическая сила? Крупного мужчины, или...

– О нет, совсем не обязательно. Это легко мог сделать любой взрослый человек.

– Любой, решившийся убить...

Майлза затошнило, когда он представил себе то, что сказал Ди. Маленькая пушистая головка легко уместится под ладонью мужчины. Поворот, чуть слышный хруст... Уж кто-кто, а Майлз прекрасно знал, как ломаются кости.

– Воля к убийству, – отозвался Ди, – это уже не по моей части. – Он помолчал. – Но могу отметить, что внимательного осмотра было бы достаточно для установления причины смерти. Опытный работник системы правопорядка, – он холодно взглянул на Кейрела, – ответственно относящийся к своим обязанностям, не пропустил бы сломанной шеи.

Майлз тоже смотрел на старосту и ждал.

– Заспала! – прошипела Харра. Голос ее так и сочился презрением.

– Милорд, – осторожно начал Кейрел, – я действительно подозревал...

«Какое к черту подозрение! Ты знал».

– Но я считал – и сейчас считаю, – в глазах Кейрела сверкнула решимость отчаяния, – что шум вызовет еще больше горя. Я уже ничем не мог помочь младенцу. Мы в долгу перед живыми...

– И я тоже, староста Кейрел. Например, перед следующим крошечным подданным империи, которому будет грозить опасность со стороны тех, кому положено его защищать. А он, как назло, виноват всего лишь в том, что физически, – тут Майлз резко улыбнулся, – не похож на них. Граф Форкосиган решил, что это не просто уголовное дело. Будет показательный процесс, и он прогремит по всей планете. Шум!.. Вы не представляете, какую кашу заварили...

Кейрел сник, словно уменьшившись ростом.

Затем последовал еще час дополнительных исследований, давших только отрицательные результаты: других переломов нет, легкие младенца чистые, в кишечнике и крови нет токсинов, кроме тех, что появились в результате разложения. Опухолей в мозгу не обнаружено. Дефект, из-за которого погибла девочка, был легко устраним простой косметической операцией, если бы она могла ее получить.

Ди собрал инструменты, и Харра, завернув крошечное тельце в тряпки, снова завязала их сложным, полным особого смысла узлом. Вычистив скальпели, Ди уложил их в чехлы и тщательно вымыл руки и лицо в ручье. Майлзу показалось, что доктор отмывался гораздо дольше, чем требовали соображения гигиены. Помощник старосты снова зарыл ящичек.

Харра сделала на могиле небольшое углубление и сложила в него несколько веточек и обломков коры, прибавив отрезанную ножом прядь своих волос.

Застигнутый врасплох Майлз порылся в карманах.

– При мне нет никакого приношения, которое могло бы гореть, – виновато сказал он.

Женщина широко раскрыла глаза. Ее изумило даже само желание графского сына присоединиться к возжиганию в память покойной.

– Это не важно, милорд.

Маленький огонек вспыхнул на мгновение и погас, как жизнь крошечной Райны.

«Нет, это важно, – думал Майлз. – Мир тебе, маленькая леди. Прости, что мы так грубо потревожили тебя. Я устрою тебе приношение получше, даю слово Форкосигана. И дым от возжигания поднимется так высоко, что его увидят все жители этих гор».

Поручив Кейрелу и Алексу доставить ему Лэма Журика, Майлз повез Харру до ее дома на Толстом Дурачке. Их сопровождал Пим.

Двое чумазых ребятишек, игравших в одном из дворов, побежали за лошадьми, хихикая и делая в сторону Майлза знаки от сглаза. Малыши подзадоривали друг дружку на все более отчаянные шалости, пока мать не заметила их и, выбежав на улицу, не заставила вернуться в дом, бросив через плечо испуганный взгляд. Майлзу это почему-то показалось странно успо-

каивающим – вот такой встречи он и ожидал. Это лучше, чем напряженно-неестественное спокойствие Кейрела и Алекса. Да, Райне жилось бы здесь нелегко.

Дом Харры располагался у длинного оврага, который, постепенно расширяясь, переходил в лошину. В пестрой тени деревьев жилище казалось удивительно тихим и одиноким.

– Ты уверена, что тебе не стоит пока пожить у матери? – с сомнением спросил Майлз.

Харра покачала головой и соскользнула с коня. Спешившись, Майлз и Пим вошли следом за ней.

Дом был самый обычный: большое крытое крыльцо и одна комната с каменным очагом. Воду, видимо, брали из ручья в овраге. На пороге Пим задержал Майлза и вошел следом за Харрой, держа руку на парализаторе. Если Лэм Журик сбежал, то не прячется ли он где-нибудь здесь? Пим всю дорогу проверял сканером совершенно безобидные заросли кустов.

Дом был пуст. Впрочем, опустел он недавно: в нем не чувствовалось пыльного застоявшегося молчания восьмидневной заброшенности. У мойки – грязная посуда, кровать раскрыта и смята. Кругом валялась мужская одежда. Харра принялась машинально наводить порядок, заявляя дому о своем возвращении, своем существовании, своей важности. Если она и не властна над событиями своей жизни, по крайней мере она остается хозяйкой этой небольшой комнатки.

Единственным, к чему она не прикасалась, была стоявшая рядом с кроватью колыбелька с крошечными одеяльцами. Харра убежала в Форкосиган-Сюрло через несколько часов после похорон.

Майлз прошелся по комнате, посмотрел в окно.

– Ты покажешь мне, где собирала блестянику?

Женщина повела их по оврагу. Майлз засек время. Пим разрывался между необходимостью озиаться и одновременно следить за своим подопечным, чтобы тот не упал и не заработал новые переломы. Раз три увернувшись от попыток Пима подхватить его, Майлз обозлился и с трудом сдерживал желание послать сержанта ко всем чертям. Хотя, конечно, его можно считать лицом заинтересованным: если Майлз сломает себе ногу, то Пиму придется вытаскивать его отсюда на себе.

Заросли блестяники начинались примерно в километре от дома. Майлз сорвал несколько красных ягод и рассеянно их съел; Харра с Пимом почтительно ждали. Вечернее солнце пробивалось сквозь листву, но на дне лощины уже царили серые прохладные сумерки. Побег блестяники цеплялись за камни и маняще свисали с уступов, словно приглашая рискнуть и вскарабкаться за ними. Майлз устоял перед соблазном: он не слишком любил блестянику.

– Если бы тебя позвали из дома, ты бы отсюда услышала? – спросил Майлз.

– Нет, милорд.

– И как долго ты собирала здесь ягоды?

Харра пожала плечами:

– Пока не набрала корзинку.

– Скажем, час. И сорок минут на дорогу в оба конца. Примерно двухчасовое отсутствие. Твой дом не был заперт?

– Только на засов, милорд.

– Гм-м.

Научная схема расследования убийства рекомендовала выяснить способ, мотив и возможности. Дьявольщина. Способ установлен – свернуть шею младенцу мог кто угодно. Похоже, что с возможностями дело обстоит не лучше: кто угодно мог подойти к домику, совершить убийство и уйти незамеченным. Прошло слишком много времени, чтобы воспользоваться био-полевым детектором, который позволял восстановить картину передвижений в комнате... И наконец, мотив – мутная пена предрассудков. То есть все что угодно.

Майлз старался относиться к обвиняемому непредубежденно, но противиться словам Харры становилось все труднее. Пока она еще ни в чем не ошиблась.

Вернувшись в дом, Харра снова принялась за уборку.

– Ты уверена, что все будет в порядке? – спросил Майлз, подбирая поводья Толстого Дурачка и устраиваясь в седле. – Я все же думаю, что, если твой муж поблизости, он может заявиться сюда. Ты говоришь, что ничего не исчезло, значит, он вряд ли успел побывать здесь до нашего приезда. Может, Пиму стоит остаться с тобой?

– Нет, милорд. – Харра стояла на крыльце, обеими руками обнимая метлу. – Я... мне бы хотелось немного побыть одной...

– Ну ладно. Я дам тебе знать, если произойдет что-нибудь важное.

– Спасибо, милорд, – вяло отозвалась Харра. Видимо, ей действительно хотелось остаться одной, и Майлз решил не упорствовать.

Там, где тропа стала шире, слуга и господин поехали рядом. Пим по-прежнему бдительно озирался.

– Милорд, могу ли я подсказать вам, что теперь разумным шагом было бы послать всех здоровых мужчин деревни искать Журика? Вы ведь точно установили факт намеренного детоубийства.

«Интересная фраза, – подумал Майлз. – Даже Пиму она не кажется дикой. Ах, мой бедный Барраяр!»

– На первый взгляд это кажется разумным, сержант Пим, но не пришло ли вам в голову, что половина всех здоровых мужчин деревни скорее всего в родстве с Журиком?

– Предлагаю психологический трюк. Если мы погоняем их как следует, то, может быть, кто-нибудь выдаст парня просто для того, чтобы прекратить все это.

– Гм, не исключено. При условии, что Журик не сбежал отсюда. Может, он уже на полдороге к океану.

– Только если у него есть транспорт.

И Пим глянул в пустое небо.

– Откуда нам знать, может, в сарае у каких-нибудь его приятелей стоял старенький флайер. Но это маловероятно. Я не уверен, что он вообще знает, как убегать, куда податься. Конечно, если он все-таки удрал, то проблема перейдет к Имперской гражданской безопасности, и я свободен. («Приятная мысль!») Плохо то, что я до сих пор не получил четкого представления о нашем подозреваемом. Ты заметил противоречия?

– Не могу сказать, чтобы заметил, милорд.

– Гм. Кстати, куда Кейрел таскал тебя арестовывать этого типа?

– За деревню, в кустарники и ущелья. Там человек шесть все еще разыскивали Харру. Они как раз закончили поиски и возвращались нам навстречу. Похоже, что наше появление не было для них неожиданностью.

– Журик действительно был там и сбежал, или Кейрел просто водил тебя за нос?

– По-моему, он действительно там был, милорд. Те люди клялись, что не видели его, но, как вы и сказали, они с ним в родстве, и потом, они... э-э... лгали неумело. Они были напряжены. Что до Кейрела, то он, может, и не рвется нам помогать, но я не думаю, чтобы он посмел нарушить ваш прямой приказ. В конце концов он ведь отслужил двадцать лет.

«Как и ты, Пим», – подумал Майлз. Личная охрана графа Форкосигана ограничивалась штатным числом в двадцать человек, и Пим был типичным представителем этого элитного взвода: награжденный орденами ветеран Имперской службы, заменивший покойного сержанта Ботари. Кому еще, кроме Майлза, не хватает в этом мире смертельно опасного и непростого Ботари?

– Хотелось бы мне допросить с суперпентоталом самого Кейрела, – мрачно заметил Майлз. – Судя по всему, он знает, где собака зарыта.

– Так почему бы вам его не допросить? – логично осведомился Пим.

– Возможно, этим и кончится. Однако допрос с суперпентоталом, как ни крути, всегда унизителен. Если человек нам предан, то не в наших интересах публично его оскорблять.

– Это будет не публично.

– Да, но он не забудет, что его превратили в слюнявого идиота. Мне нужна правдивая информация.

– Я думал, у вас уже есть информация, милорд.

– У меня есть факты. Огромная куча бессмысленных, бесполезных фактов. – Майлз угрюмо замолчал. – Я доберусь до правды, даже если мне придется накачать суперпентоталом всех этих деревенщин. Но это скверное решение.

– Задача тоже скверная, милорд, – сухо отозвался Пим.

Когда они вернулись, жена старосты уже взяла бразды правления в свои руки. Женщина носилась по всему дому, отчаянно что-то нарезаая, взбивая, перемешивая и растапливая. Она взлетала на чердак переменить белье на матрасах, гоняла троих сыновей с поручениями сбежать, принести, попросить... Ошеломленный Ди бродил за ней по пятам, пытаясь уговорить хозяйку и повторяя, что они привезли с собой палатку и еду, что от нее ничего не требуется. Но все уговоры были бесполезны.

– Единственный сын моего милорда графа приехал ко мне в дом, а я выставлю его в поле, словно скотину?! Да я умру от стыда!

И она снова принялась за работу.

– Матушка Кейрел приняла наш визит слишком близко к сердцу, – объяснил доктор Ди. Майлз взял его за локоть и чуть ли не насильно вывел на крыльцо.

– Лучше не крутитесь у нее под ногами, доктор. Мы обречены на прием. С обеих сторон это диктуется долгом. Вежливость требует, чтобы мы делали вид, будто нас здесь вроде бы как нет, пока она не подготовится.

Ди понизил голос:

– В данных обстоятельствах нам было бы разумнее есть только ту пищу, которую мы привезли с собой.

Из окна неслышимо манящий стук шинковального ножа и аромат трав и лука.

– Ну, по-моему, еда из общего котла будет в порядке, – сказал Майлз. – Если вас что-то встревожит, вы можете взять образцы и проверить, только не афишируя это, ладно? Незачем обижать людей.

Они уселись на самодельных стульях, и им тут же был снова подан чай. Принес его мальчуган лет десяти, младший сын Кейрела. Видимо, ему уже было сделано внушение относительно того, как надо себя вести, потому что он так же старательно не замечал физических недостатков Майлза, как и взрослые. Хотя получалось у него это немного хуже.

– Вы будете спать на моей постели, милорд? – спросил мальчик. – Ма говорит, мы будем спать на крыльце.

– Ну, ма надо слушаться, – дипломатично ответил Майлз. – Э-э... а тебе нравится спать на крыльце?

– Не-а. Прошлый раз Зед меня лягнул, и я скатился в темноту.

– О! Ну раз уж мы вас выселяем, может, вы согласитесь в обмен спать в нашей палатке? Мальчишка широко раскрыл глаза:

– Правда?

– Конечно. Почему же нет?

– Вы только подождите, я скажу Зеду! – Он запрыгал вниз по ступенькам, потом стремглав кинулся за дом. – Зед, эй, Зед!

– Что ж, – с сомнением сказал Ди, – мы ее потом можем как следует продезинфицировать...

У Майлза чуть изогнулись губы.

– Они не грязнее, чем вы были в их возрасте. Или я. Когда мне позволяли.

Незаметно наступил вечер. Майлз снял свой зеленый мундир и повесил на спинку стула, потом расстегнул воротник рубашки.

Ди удивленно поднял брови:

– Так у нас рабочий день, как в магазине? Мы уже закрылись на сегодня?

– Не совсем.

Он задумчиво прихлебывал чай и рассеянно смотрел на верхушки деревьев. За холмами начинались отроги черного хребта, на вершинах которого еще кое-где виднелись грязно-белые снежные шапки.

– Убийца по-прежнему на свободе, – напомнил Ди.

– Вы с Пимом словно сговорились. – Майлз заметил, что его верный слуга кончил возиться с лошадьми и отправился прогуляться, прихватив сканер. – Я жду.

– Чего?

– Сам не знаю. Какой-то новости, которая поможет мне понять все это. Пока мы имеем только два варианта: Журик или виновен, или не виновен. В первом случае он нам не сдастся. Он наверняка втянет в это дело своих родственников, чтобы те его прятали и всячески помогали. При желании я в любой момент могу вызвать подкрепление из Хассадара. Человек двадцать из Службы гражданской безопасности с поисковым оборудованием прилетят сюда на флайере через пару часов. Устроят облаву. Жестокий, гадкий, возбуждающий цирк... Зрители будут довольны: охота на человека с кровавым исходом. Конечно, есть шанс, что Журик ни в чем не виновен, а просто испуган. В этом случае...

– Да?

– В этом случае убийца по-прежнему рядом. – Майлз снова отхлебнул чаю. – Я лишь хотел сказать, что, если вы желаете поймать кого-то, погоня – далеко не всегда лучший способ.

Ди кашлянул и тоже принялся за чай.

– Тем временем я должен выполнить еще одну обязанность. Я нахожусь здесь, чтобы меня видели. Если ваш инстинкт исследователя жаждет деятельности, можете развлечься и посчитать, сколько народа нынче вечером явится поглазеть на фора.

Предсказанное Майлзом паломничество началось почти сразу. Поначалу приходили главным образом женщины, и все как одна с подарками, словно на поминки или на свадьбу. Горянки несли накрытые блюда с едой, цветы, лишние постели и предложения помощи. Всех деревенских дам представляли Майлзу: они нервно приседали, но не отваживались заговорить – видимо, их любопытство удовлетворялось одним лишь созерцанием графского сына. Матушка Кейрел была вежлива, но давала понять, что прекрасно справляется сама, и отставляла кулинарные дары куда-то на задний план.

Некоторые женщины притащили с собой детей. Большую часть детворы отправили играть, но небольшая компания перешептывающихся мальчишек прокралась вокруг дома посмотреть на Майлза. Заметив их маневр, он остался на крыльце. Некоторое время Майлз игнорировал любопытные взоры мальчишек, дав знак Пиму, чтобы тот их не прогонял.

«Да-да, смотрите хорошенько. Что видите, то и будете иметь, до конца вашей жизни – или по крайней мере моей. Привыкайте...»

И тут он услышал шепот Зеда Кейрела, самозваного гида этой экскурсии:

– А вон тот, большой, приехал убить Лэма Журика! – Речь, по-видимому, шла о Пиме.

– Зед, – позвал Майлз.

Под аккомпанемент испуганного шепота и хихиканья средний сын Кейрела нехотя поднялся на крыльцо.

– А вы трое, – указующий перст Майлза остановил его готовых сбежать товарищей, – ждите здесь.

Для пушей убедительности Пим нахмурился, и мальчишки застыли на месте, широко распахнув глаза. Теперь их физиономии торчали на уровне дощатого пола крыльца, словно отрубленные головы врагов над стеной древней крепости.

– Что ты сейчас сказал своим друзьям, Зед? – тихо спросил Майлз. – Повтори.

Зед облизнул губы.

– Я только сказал, что вы приехали убить Лэма Журика, лорд.

Зед теперь явно подозревал, что кровожадные инстинкты Майлза распространяются и на нахальных мальчишек.

– Это неправда, Зед. Это опасная ложь.

Зед был озадачен.

– Но па так говорит.

– На самом деле я приехал поймать того, кто убил маленькую дочь Лэма Журика. Может быть, это Лэм. А может быть – нет. Ты понимаешь, в чем разница?

– Но Харра всем развонила, что Лэм, а уж она-то должна знать, ведь он ее муж и все такое.

– Кто-то сломал малышке шею. Харра думает, что Лэм, но сама она этого не видела. Ты и твои друзья должны понять, что я не ошибусь. Я не могу приговорить к смерти невиновного: моя сыворотка истины мне не даст. Если Лэм этого не делал, ему достаточно просто прийти сюда и рассказать все, как было, чтобы оправдаться. Но предположим, что он действительно это сделал. Как мне поступить с человеком, который может убить младенца, а, Зед?

Зед неуверенно шмыгнул носом.

– Ну, это ведь был всего лишь мутантик...

Тут он умолк и покраснел, демонстративно не глядя на Майлза.

Наверное, нельзя ждать, чтобы двенадцатилетнего мальчишку интересовал какой-то младенец, тем более мутантик... Нет, черт побери, можно! Но как этого добиться? Если Майлз не способен убедить одного надутого парнишку, то каким волшебством он сможет переделать столько взрослых? Ему хотелось заорать от ярости. Эти тупицы совершенно невыносимы!

Майлз решительно взял себя в руки.

– Твой па отслужил двадцать лет, Зед. Ты ведь гордишься тем, что он служил императору?

– Да, милорд, – настороженно согласился Зед, уже предчувствуя какую-то ловушку.

Майлз не отступал:

– Так вот, этот обычай – убивать мутантиков – позорит императора, когда он представляет Барраяр перед галактикой. Я бывал на других планетах и знаю. Они всех нас называют дикарями из-за преступлений немногих людей. Это позорит графа, моего отца, и позорит вашу Долину. Почетно убить вооруженного врага, а не младенца. Это затрагивает мою честь Форко-сигана, Зед. И кроме того... – Тут зубы Майлза оскалились в невеселой усмешке, он подался вперед, и Зед испуганно отпрянул: – Вы все еще удивитесь, когда узнаете, на что способен мутант. В этом я поклялся на могиле моего деда.

Вид у парнишки был скорее подавленный, чем убежденный. Он так ссутулился, что согнулся почти пополам. Майлз снова откинулся на спинку стула и устало махнул рукой:

– Иди играй, мальчик.

Зеда не понадобилось уговаривать. Он и его приятели кинулись за дом, словно выпущенные из катапульты.

Майлз стучал пальцами по стулу и хмурился. Ни Пим, ни Ди не осмеливались нарушить молчание.

– Эти горцы – дремучие невежды, – наконец решился сказать сержант.

– Эти горцы – мои люди, Пим. Их невежество – это мой позор, позор моего дома.

Как получилось, мрачно размышлял он, что вся эта каша стала вдруг его собственной? Ведь не он же ее заварил. А с исторической точки зрения...

– По крайней мере их продолжающееся невежество, – уточнил Майлз, не испытав при этом никакого облегчения; вина по-прежнему давила на него тяжелым грузом. – Неужели это так сложно понять? «Вам больше не надо убивать ваших детей». Казалось бы – чего проще! Ведь не требуем же мы от них знания космонавигации в пятимерном пространстве! – добавил он, вспомнив, чем мучили его последний семестр в академии.

– Им нелегко, – пожал плечами доктор Ди. – Правительство издает законы, а этим людям каждую минуту приходится испытывать их на собственной шкуре. Они очень бедны, при этом вынуждены делиться своими скудными доходами с теми, кто намного богаче их. Старые правила кажутся им гораздо разумнее. В сущности, нам самим неясно, сколько реформ мы можем себе позволить, слепо подражая галактике.

«Интересно, как ты определяешь богатого человека, Ди?» – подумал Майлз.

– Но все-таки жизнь улучшается, – произнес он вслух. – Даже здесь уже не бывает голода каждую зиму. Они не одиноки, когда случается неурожай или другая беда. – По имперскому указу пострадавшему району оказывается помощь... У нас улучшается связь. И потом... – Майлз помолчал и закончил не очень убежденно: – Быть может, вы их недооцениваете.

Ди скептически поднял брови. Пим встал, прошелся по крыльцу и на всякий случай провел сканером по зарослям. Майлз повернулся, чтобы взять свой стынувший чай, и заметил какое-то движение в раскрытом окне – там застыла, слушая их, матушка Кейрел. Сколько же она так стоит? Наверное, с той минуты, как он окликнул ее сынишку. Встретив взгляд Майлза, женщина глубоко вздохнула, вытряхнула тряпку, которую держала в руках и, кивнув ему, вернулась к своим делам. Ди, рассеянно наблюдавший за Пимом, ее не заметил.

Кейрел и Алекс пришли только к ужину, оба усталые и запыленные.

– Я отправил на поиски шестерых, – осторожно доложил староста, обращаясь к Майлзу, сидевшему на крыльце. Это крыльцо постепенно превращалось в нечто вроде штаба.

– Похоже, Лэм ушел в заросли. Теперь его оттуда долго не выкурить. Там сотни укромных местечек.

Охотно верю, подумал Майлз.

– А может, парень прячется у кого-нибудь из родственников? – спросил он. – Ведь для того чтобы долго отсиживаться, ему надо бы запастись едой. Они его выдадут, если он появится?

– Трудно сказать. – Кейрел развел руками. – Им будет нелегко пойти на это, милорд.

– Гм.

И сколько же Лэм Журик будет торчать там в зарослях? Ведь вся его жизнь – вся его полетевшая к чертям жизнь – здесь, в Лесной Долине. Майлз задумался над контрастом. Всего несколько недель назад у молодого Лэма было все, о чем только может мечтать деревенский житель: дом, жена, ребенок, благополучие и счастье. А сейчас Лэм – преследуемый беглец, все то небольшое, что он имел, исчезло в мгновение ока. Раз его тут ничего не держит, отчего бы парню не удариться в бег? Если ему не к чему возвращаться, станет ли он задерживаться у обломков своей жизни?

Подлинным мучением для Майлза стала мысль о полиции, которую можно вызвать из Хассадара, произнеся всего лишь несколько слов в наручный комм. Может, пора это сделать, пока он не испортил все окончательно? Но... если бы проблему можно было решить простой демонстрацией силы, разве отец запретил бы им лететь сюда на флайере? Майлз сожалел об этом двухдневном пути, который лишил его стремительности, дал время засомневаться. Мог ли граф это предвидеть? Знал ли он что-то такое, что неизвестно Майлзу? Черт подери, не было необходимости искусственно усложнять это испытание, тут и без того хватает трудностей.

«Отец хочет, чтобы я вел себя умно, – мрачно размышлял Майлз. – Нет, еще хуже: он хочет, чтобы все здесь увидели, что я поступаю умно». Оставалось лишь молить Бога, чтобы вместо этого не совершить какую-нибудь непоправимую глупость.

– Хорошо, староста Кейрел. На сегодня вы сделали все, что могли. Отдыхайте. Пошлите отдыхать и ваших людей. Вряд ли вы кого-то найдете в темноте.

Пим взялся за сканер, собираясь предложить свои услуги, но Майлз сделал ему знак молчать.

Впоследствии Майлз не смог бы с точностью сказать, в какое мгновение теплый летний вечер перерос в праздник. После ужина начали приходить гости – приятели Кейрела, старшее поколение деревни. Некоторые из них явно были здесь завсегдатаями, регулярно слушающими правительственные новости по приемнику старосты. На Майлза высыпался целый ворох новых имен, и он не имел права забыть хоть одно. Откуда-то появились запыхавшиеся музыканты с самодельными инструментами – видимо, этот оркестрик играл на всех свадьбах и поминках Лесной Долины.

Музыканты расположились посреди двора и заиграли. К ним присоединились певцы, и крыльцо Майлза из штаб-квартиры превратилось в почетную ложу. Трудно сосредоточиться на музыке, когда все собравшиеся наблюдают за тобой. Но Майлз старался. Некоторые песни были серьезными, другие (сыгранные поначалу с осторожностью) – шуточными. Конечно, веселье Майлза иногда становилось чуть притворным, но зрители всегда облегченно вздыхали, услышав его смех.

А одна песня – плач по потерянной любви – была так неотразимо прекрасна, что у Майлза сжалось сердце. Элен... Только сейчас он понял, что и эта рана наконец-то зарубцевалась, оставив после себя лишь томительную печаль. Какое-то время он сидел в сгущающихся сумерках совершенно неподвижно, погрузившись в свои мысли и почти не слыша следующих песен.

Горы принесенной снеди не пропали даром. К счастью, Майлза не заставили расправляться с ними в одиночку. Один раз Майлз перегнулся через перила и посмотрел в конец двора, где стоял Толстый Дурачок, приобретая себе новых друзей. Конька окружила целая толпа молоденьких девушек, которые гладили его, расчесывали ему шерсть, вплетали в гриву и хвост ленты и цветы, кормили разными лакомствами или просто прижимались щеками к теплому шелковистому боку. Блаженно-довольный Дурачок полужакрыв глаза.

«Господи, – завистливо подумал Майлз, – имей я хоть половину обаяния этой чертовой скотины, у меня было бы больше девушек, чем у кузена Айвена». На секунду он прикинул все «за» и «против» того, чтобы приударить за какой-нибудь свободной девицей... Удалые лорды прошлого и все такое прочее... Нет. Таким дураком ему быть не обязательно. С него хватит и той клятвы, которую он дал маленькой леди по имени Райна. Дай бог ему сдержать ее, не сломавшись. У него опять заныли кости.

Он повернулся и увидел, что староста Кейрел идет к нему в сопровождении какой-то пожилой женщины. Худая, низенькая, изможденная, в поношенном «парадном» платье; седые волосы зачесаны назад, глаза тревожно бегают.

– Это матушка Журик, милорд. Мать Лэма.

Староста склонил голову и попятился, оставив Майлза без помощи.

«Вернись, трус!»

– Мадам, – приветствовал ее Майлз.

Во рту у него пересохло. Черт побери, кажется, Кейрел решил устроить из этого спектакль... Нет, большинство гостей тоже отходят подальше.

– Милорд, – отозвалась матушка Журик, испуганно приседая.

– Э-э... садитесь, пожалуйста.

Непреклонно дернув подбородком, Майлз согнал доктора Ди со стула и указал на него горянке. Сам он развернулся так, чтобы сидеть лицом к женщине. Пим встал у нее за спиной, безмолвный, как истукан, напряженный, как струна. Не иначе ждет, что старуха того и гляди выхватит из юбок лучевой пистолет... Хотя, если подумать, прямой долг Пима – воображать такое и выглядеть идиотом, чтобы Майлз мог без помех сосредоточиться на стоящей перед ним задаче. Крестьяне наблюдают за ним так же пристально, как и за самим Майлзом, и очень предусмотрительно со стороны сержанта держаться отчужденно, пока грязная работа не будет закончена.

– Милорд, – повторила матушка Журик и опять замолчала.

Майлз мог только ждать и молить Бога, чтобы она вдруг не разрыдалась прямо здесь, на крыльце. Просто мучение какое-то. «Держись, женщина», – мысленно уговаривал он.

– Я хочу сказать, что Лэм... – Она запнулась. – Я уверена, он не убивал малышку. Клянусь, в нашей семье никогда такого не водилось! Он говорит, что не убивал, и я ему верю.

– Прекрасно, – дружелюбно ответил Майлз. – Пусть он скажет мне то же самое с суперпентоталом, и я тоже ему поверю.

– Пойдем, ма, – позвал худошавый молодой человек, стоявший у ступеней, и злобно посмотрел на Майлза. – Разве ты не видишь: это бесполезно.

Женщина кинула на юношу суровый взгляд и снова повернулась к Майлзу, еще надеясь убедить и с трудом подбирая слова:

– Мой Лэм. Ему всего двадцать, милорд.

– Мне тоже только двадцать, матушка Журик, – напомнил Майлз.

Наступило короткое молчание.

– Послушайте меня, прошу вас, – терпеливо заговорил Майлз. – Я уже повторял и буду повторять до тех пор, пока мои слова не дойдут до того, кому они предназначены. Я не могу осудить невинного человека: мои сыворотки истины мне не дадут. Лэм может себя оправдать! Скажите ему это, ладно? Пожалуйста!

Женщина встревожилась.

– Я... не видела его, милорд.

– Но можете увидеть.

– Да? А могу и не увидеть.

Она бросила стремительный взгляд на Пима, но сразу же отвела глаза, словно обжегшись о вышитые серебром монограммы Форкосиганов на воротнике его мундира. Кейрел вынес на крыльцо зажженные фонари, но по-прежнему держался в отдалении.

– Мадам, – напряженно проговорил Майлз, – граф, мой отец, приказал мне расследовать убийство вашей внучки. Если ваш сын столько для вас значит, как может так мало значить его ребенок? Она была... ваша первая внучка?

Морщины на лице женщины обозначились еще резче.

– Нет, милорд. У старшей сестры Лэма уже двое. Они-то в порядке, – добавила она многозначительно.

Майлз вздохнул:

– Если вы и правда верите, что ваш сын невиновен в этом преступлении, вы должны помочь мне это доказать. Или... вы сомневаетесь?

Женщина тревожно заерзала, и в глазах ее промелькнула неуверенность. Стало быть, и она ничего толком не знает, разрази ее гром! Бесполезно применять к ней суперпентотал... От этого чудо-средства пока никакого проку.

– Уйдем, ма, – снова позвал юноша. – Не трать сил понапрасну. Лорд-мутант приехал сюда для убийства, оно им необходимо. Это все спектакль.

«Чертовски верно, – подумал Майлз. – А это, стало быть, один из братьев обвиняемого... Сообразительный олух».

Матушка Журик позволила своему рассерженному сыну увести себя, но уже на ступеньках остановилась и горько бросила через плечо:

– Вам все это так просто, да?

«У меня голова от этого разламывается», – подумал Майлз.

Но неприятности этого вечера еще не закончились.

Голос, долетевший из темноты, был низким и скрипучим:

– Не смей мне приказывать, Зерг Кейрел. У меня есть право поглядеть на этого лорда-мутанта.

Новая посетительница была высокая и жилистая, а принаряжаться ради этого визита явно не входило в ее намерения. Она казалась живым воплощением ненависти – вся целиком, до кончика длинной седой косы, змеившейся по костлявой спине.

Страхнув руку Кейрела, пытавшегося ее удержать, старуха зашагала к сидевшему в свете фонарей Майлзу.

– Э-э... Это матушка Маттулич, милорд, – представил ее Кейрел. – Мать Харры.

Майлз поднялся на ноги, заставив себя коротко кивнуть.

– Мое почтение, мадам.

Он с раздражением заметил, что ниже старухи на целую голову. Когда-то она, наверное, была одного роста с Харрой, но годы уже начали пригибать ее к земле.

Матушка Маттулич молча уставилась на Майлза. Судя по чуть заметным черноватым пятнам вокруг рта, она имела привычку жевать листья гумми; у нее и сейчас двигалась челюсть, работая над очередной порцией. Старуха рассматривала сына графа открыто, не прячась и не пытаясь извиняться, обводя взглядом его голову, шею, сгорбленную спину, короткие и кривые ноги. Казалось, эти глаза видят его насквозь, вплоть до каждого из заживших переломов на хрупких костях. Под ее горящим взглядом голова Майлза пару раз дернулась в неуправляемом нервном тике, так что он, наверное, показался зрителям припадочным – ему не сразу удалось с собой справиться.

– Ладно, – резко произнес Кейрел, – посмотрела – и хватит. А теперь уходи. – Он вытянул руку, извиняясь перед Майлзом. – Мара из-за всего этого совсем обезумела, милорд. Простите ее.

– Вы потеряли единственную внучку, – проговорил Майлз, пытаясь сочувствовать. – Мне понятно ваше горе, мадам. Но маленькая Райна получит правосудие. Я в этом поклялся.

– Откуда теперь возьмется правосудие? – хрипло бросила старуха. – Слишком поздно! Поздно, лордик-мутант. Для чего мне теперь ваше проклятое правосудие?

– Замолчи, Мара! – снова приказал Кейрел. Нахмурившись и крепко сжав губы, он решительно увел старуху с крыльца.

Гости, не успевшие разойтись, расступались перед нею с почтением – все, кроме двух худых подростков, державшихся на краю толпы: те отпрянули, словно от ядовитой твари. Их лица показались Майлзу знакомыми, и он сообразил, что эти ребята – тоже представители семейства Журик. Значит, противостоит ему не банда двухметровых громил, а стайка мальчишек. Но это открытие вовсе не успокоило Майлза. Судя по внешности этих молодых горцев, они, если понадобится, способны напасть со стремительностью хорька.

Было около полуночи, когда вечернее развлечение наконец подошло к концу, и последние гости Кейрела удалились в лес с зажженными фонарями. Починенный и подзаряженный приемник был унесен владельцем, горячо благодарившим старосту. Пим устроил мальчишек Кейрела в палатке, последний раз обошел дозором вокруг дома и присоединился к Майлзу и Ди на чердаке. Матрасы были набиты свежим пахучим сеном из местных трав, и Майлз горячо надеялся, что у него не окажется на них аллергии. Матушка Кейрел хотела уступить графскому сыну свою собственную спальню, изгнав себя и мужа все на то же крыльцо, но, к счастью, Пим

сумел убедить ее, что уложить лорда на чердаке между слугой и врачом – разумнее с точки зрения безопасности.

Ворочаясь на своем матрасе, Майлз снова и снова перебирал в уме события дня. Не действовал ли он чересчур медленно, слишком нерешительно? Когда имеешь дело с превосходящими неприятельскими силами, осторожность – не лучшая тактика. Но, с другой стороны, бессмысленно бросаться в атаку на болоте: это так красиво продемонстрировал на летних учениях его собрат-кадет и кузен Айвен. Понадобилось вызывать вездеход на воздушной подушке с краном, чтобы вытащить шестерых крупных, сильных, здоровых молодцев в полном полевом снаряжении из клейкой черной грязи. Правда, Айвен мог утешиться тем, что снайпер «противника», которого они атаковали, свалился с дерева и повредил себе руку, ослабев от хохота. Наблюдатель присудил им ничью. Майлз потерял руку, ухмыльнулся воспоминанию и, наконец, заснул.

Проснулся он от внезапной уверенности, что случилось что-то нехорошее. В синей темноте чердака мерцали оранжевые отсветы. Тихо, стараясь не разбудить своих спутников, молодой человек поднялся и посмотрел вниз, в комнату. Свет шел из переднего окна.

Майлз босиком слез вниз и выглянул из дверей.

– Пим! – тихо позвал он.

Сержант проснулся мгновенно.

– Милорд?

– Тихо спускайся. Захвати парализатор.

Уже через секунду Пим стоял рядом с Майлзом: он спал, не снимая брюк, положив кобур с парализатором и ботинки у изголовья.

– Что за черт?.. – пробормотал он, тоже выглядывая на улицу.

Свет испускал брошенный на крышу их палатки смолистый факел. Пим кинулся было к двери, но остановился. Палатка была армейская, из негорючей ткани, и спавшим внутри детям ничто не грозило. Но знал ли об этом тот, кто бросил факел? Что это – какой-то магический обряд или на редкость неумелое нападение? Будь палатка обычной, брезентовой... Майлз вздрогнул, представив распускающееся смертоносным цветком пламя.

Пим выхватил из кобуры парализатор:

– Давно это?

– Трудно сказать. Могло гореть минут десять, прежде чем я проснулся.

Сержант вздохнул, покачал головой и с оружием на изготовку шагнул с крыльца в позолоченную огнем темноту.

– Неприятности, милорд? – прозвучал встревоженный голос Кейрела, и он появился в дверях спальни.

– Возможно. – Майлз остановил старосту. – Пускай сначала Пим все осмотрит и даст сигнал, что поблизости все чисто. Вашим мальчикам безопаснее побыть внутри палатки.

Кейрел выглянул в окно, охнул и разразился проклятиями.

Через несколько минут вернулся сержант.

– На километр вокруг – никого, – коротко доложил он. Староста притащил ведро воды и плеснул на факел. Тот зашипел и погас.

– Наверное, мне не следовало предлагать им свою палатку, – сдавленным голосом проговорил Майлз. – Я глубоко сожалею, староста Кейрел. Я не подумал.

– Этого не должно... – Кейрел трясся от гнева и запоздалого испуга, – этого не должно было произойти, милорд. Я... я прошу у вас прощения за Лесную Долину.

Он беспомощно повернулся, глядя в темноту. Даже усыпанное звездами ночное небо теперь казалось угрожающим.

Мальчишки проснулись и, узнав новость, хором заявили, что все просто великолепно. Они хотели вернуться в палатку и устроить засаду в ожидании следующего убийцы, но матушка Кейрел уволокла их в дом и уложила в гостиной. Понадобился целый час, чтобы они перестали жаловаться на несправедливость и снова заснули.

Но Майлз, взвинтившийся чуть ли не до истерики, заснуть не мог. Он неподвижно лежал на своем матрасе и прислушивался к похрапыванию Ди и мерному дыханию сержанта, который из вежливости притворялся спящим.

Майлз как раз собирался предложить Пиму бросить валять дурака и провести остаток ночи на крыльце, когда тишину разорвал пронзительный, нечеловеческий крик.

Он доносился с улицы.

– Лошади! – С колотящимся сердцем Майлз рывком вскочил с матраса и скользнул на лестницу. Пим обогнал его, спрыгнув с чердака прямо вниз, упруго приземлился и первым очутился в дверях. Там он, охранник до мозга костей, обернулся и попробовал запихнуть Майлза обратно в дом. Майлз чуть не укусил его.

– Иди, черт тебя поberi! Я вооружен!

Оставив свои благие намерения, Пим выбежал во двор. Навстречу им из темноты шарахнулось какое-то массивное фыркающее существо; это вырвалась на свободу соловая. Ночь вновь разорвал вопль, донесшийся оттуда, где были привязаны остальные лошади. Пим бросился к коновязи.

– Дурачок?! – в ужасе позвал Майлз.

Подобных криков ему не доводилось слышать с тех пор, как в Форкосиган-Сюрло сгорел сарай, где была заперта лошадь.

– Дурачок!

Раздался еще один вопль, а потом такой звук, словно где-то рядом раскололся арбуз. Пим попятился, шатаясь и с всхлипыванием втягивая в себя воздух, потом споткнулся и упал. Убит? Нет, скорее ранен – судя по тому, что между громкими вздохами ему удавалось отчаянно чертыхаться. Майлз опустился на колени и ощупал его голову. К счастью, удар лошадиного копыта пришелся не по голове, а по грудной клетке. У охранника только дыхание перехватило, да, может, треснуло ребро. Майлз, действуя более осмотрительно, забежал к коновязи спереди.

– Дурачок!

Толстый Дурачок храпел и натягивал уздечку, пытаясь встать на дыбы; в темноте блеснули его сверкающие белками глаза.

– Дурачок, что с тобой? Что случилось?

Левой рукой Майлз схватился за уздечку, а правой коснулся шеи своего четвероногого приятеля. Конь вздрогнул, но перестал рваться и встал, весь дрожа, потом потряс головой. Лицо и грудь Майлза вдруг покрылись каплями чего-то темного и горячего.

– Ди! – заорал Майлз. – Ди!

Сразу шесть человек скатились с крыльца во двор, и ни один из них не сообразил принести свет... Нет, между пальцами доктора Ди вспыхнул холодный огонек люминофора, а матушка Кейрел все еще пытается зажечь фонарь...

– Ди, несите этот чертов свет сюда! – взвизгнул Майлз и замолчал, стараясь опустить голос на октаву ниже, до тщательно отработанного командирского тембра.

Врач подбежал к нему, осветил Майлза и ахнул, бледнея:

– Милорд! Вас ранили?

При свете люминофора темная жидкость, залившая рубашку Майлза, сверкнула алым.

– Не меня, – ответил Майлз, в ужасе глядя на свою грудь. Опять, как было когда-то, его одежда пропитана кровью друга... Он похолодел, вспомнив смерть сержанта Ботари, которого заменил Пим. Заменил? Никто и никогда не сможет заменить Ботари.

– Пим? – позвал Ди.

С травы в нескольких метрах от них донесся хриплый вздох, прерываемый проклятиями. – С ним ничего страшного, – сказал Майлз. – Его лягнула лошадь. Несите ваш чемоданчик!

Он отлепил пальцы доктора от холодного огня, и Ди помчался обратно на чердак.

Осветив Дурачка, Майлз сдавленно чертыхнулся: на блестящей шкуре виднелся огромный порез сантиметров тридцать длиной и неизвестно какой глубины. Кровь пропитала шерсть и ручейком стекала по передней ноге. Майлз попробовал стянуть края пореза, но упругая шкура выскальзывала из рук. Рана обильно кровоточила всякий раз, когда Толстый Дурачок от боли мотал головой. Майлз схватил коня за нос:

– Стой спокойно, мальчик!

Кто-то пытался перерезать Дурачку яремную вену – и чуть не перерезал. Дурачок, доверчивый, дружелюбный Дурачок, не отстранился от человека, пока боль не стала нестерпимой.

Когда вернулся доктор, Кейрел уже помог Пиму встать. Майлз подождал, пока Ди осмотрит сержанта, потом позвал его к себе.

Сын старосты, потрясенный не меньше Майлза, помогал удерживать коню голову.

– Я сдавал труднейшие экзамены, – вполголоса причитал Ди. – Я опередил двадцать шесть претендентов на должность личного врача премьер-министра. Я умею оказывать экстренную помощь в семидесяти различных вариантах, начиная от коронарного тромбоза и кончая покушением на жизнь. Но никто, никто не предупреждал меня, что в мои обязанности будет входить штопка лошадиной шеи, да еще среди ночи, в какой-то глухой деревушке...

Но, жалуюсь, он продолжал работать, а Майлз в это время нежно гладил Дурачку нос, стараясь успокоить несчастное животное. Наконец Дурачок немного расслабился и опустил свой слюнявый подбородок хозяину на плечо.

– Лошадям делают обезболивание? – тоскливо спросил Ди.

– Этой – делают, – отрезал Майлз. – Лечите его, как человека, доктор. Это последнее животное, которое лично дрессировал граф, мой дедушка. Он дал ему имя. Мы вместе обучали его. Дед заставлял меня брать его на руки в течение недели после рождения, пока он не стал слишком велик. Лошади – животные привычки, говорил дед, и никогда не забывают первых впечатлений. С тех пор Дурачок навсегда уверился, что я больше, чем он.

Ди вздохнул, сделал анестезирующую инъекцию, промыл рану, присыпал антибиотиком и заклеил биоклеем. Ловкой рукой хирурга он быстро сбрил шерсть по краям раны и закрепил защитную сетку.

– Порез чистый, – сказал Ди. – Жаль только, что кожа здесь все время будет перегибаться... Наверное, в этом положении мы не сможем его обездвижить? Конечно, не сможем. Ну все. Если бы это был человек, я сейчас посоветовал бы ему отдыхать.

– Он будет отдыхать, – твердо пообещал Майлз. – Он теперь поправится?

– Наверное. Откуда мне, к черту, знать? – Тон у доктора был крайне недовольный.

– Генерал Петер, – заверил его Майлз, – был бы в восторге от вашей работы. – Говоря это, он представлял, как дед фыркает: «Чертовы технократы. Те же коновалы, только игрушки у них подороже». – Вы... э-э... никогда не встречались с моим дедом?

– Я его не застал, милорд, – ответил Ди, немного оттаяв. – Но, конечно, я изучал его биографию и кампании.

– Конечно.

Пим уже взял ручной фонарь и ковылял в сопровождении старосты. Описывая расходящуюся спираль вокруг привязанных лошадей, он осматривал землю в поисках следов. Старший сын Кейрела поймал соловую кобылу, привел обратно в стойло и привязал; при свете люминофора было видно, что ее уздечка оборвана, а не перерезана. Выбрал ли таинственный противник свою жертву случайно или намеренно? Напали ли на Дурачка просто как на символ

его хозяина, или ночной гость знал, как страстно Майлз любит свою лошадь? Это хулиганство, политический жест или точно направленная жестокость?

«Что я тебе сделал?» – мысленно завыл Майлз в окружающую тьму.

– Кто бы это ни был, они улизнули, – доложил Пим. – Когда я отдышался, они уже были за пределами действия сканера. Я приношу свои извинения, милорд. На землю, похоже, ничего не уронили.

Да, сейчас бы очень пригодился нож, рукоятка которого измазана кровью с четкими отпечатками пальцев. Майлз вздохнул.

Неслышно приблизилась матушка Кейрел и стала наблюдать, как Ди чистит и укладывает свои приборы и инструменты.

– И все это для лошади, – чуть слышно пробормотала она.

Майлз с трудом удержался, чтобы не кинуться доказывать ценность этой конкретной лошади. Сколько раз за свою жизнь эта женщина видела, как ее односельчане страдали и умирали из-за отсутствия даже такой несложной медицинской техники, какая умещалась в чемоданчике доктора Ди?

* * *

Сидя на крыльце, Майлз наблюдал, как разгорается рассвет. Он сменил рубашку и вымылся. Пим был в доме – ему перетягивали ребра. Майлз сидел спиной к стене, положив на колени парализатор. Ночной мрак постепенно становился серым. Сквозь туман проступали холмы. Прямо над головой серый туман редел, уступая место бледно-голубому цвету. День обещал быть ясным и жарким.

Да, конечно же, пора вызывать полицию из Хассадара. Дело становится слишком странным. Вот уже и Пим наполовину выведен из строя – правда, это сделала лошадь Майлза, а не таинственный противник. Но хоть ночные нападения и не привели к чьей-то смерти, это не значит, что так и было задумано. Возможно, третья попытка окажется более удачной... На ошибках учатся.

Майлз чувствовал себя на грани нервного срыва. Как он позволил какой-то лошади стать таким мощным рычагом его эмоций? Так не годится, это совершенно недопустимо... Но ведь Дурачок – одна из воистину невинных душ! Тут он вспомнил еще одну невинную участницу этого дела и вздрогнул. «Жестоко, это было так жестоко, милорд!..» Пим прав, этот кустарник вполне может кишеть убийцами.

Эге, а в кустах действительно кто-то есть! Вон там видно движение: ветка качается, задев... кого или что? У Майлза сжалось сердце. Он переключил парализатор на полную мощность, неслышно скользнул с крыльца и начал слежку, пользуясь прикрытием высокой травы там, где ее вчера не затоптали гости. Пригнувшись, шаг за шагом он осторожно подбирался к кустам. Вот уже в тумане прорисовалась какая-то фигура.

Худой невысокий парень понуро стоял около лошадей, глядя на дом Кейрела. Он простоял почти две минуты, не двигаясь, и все это время Майлз держал его на прицеле парализатора. Если этот тип посмеет сделать хоть одно движение в сторону Дурачка...

Парень потоптался на месте, потом присел на корточки, по-прежнему не спуская глаз с жилища старосты. Вот он вытащил что-то из кармана своей широкой куртки, и палец Майлза напрягся на спусковом крючке... Но незнакомец поднес загадочный предмет ко рту и откусил. Яблоко. Ветерок донес до Майлза хруст и слабый аромат яблочного сока. Парень съел почти половину, потом остановился, словно о чем-то задумался. Майлз проверил, легко ли достается нож из ножен на поясе. А Дурачок расширил ноздри и тихонько заржал, привлекая внимание молодого человека. Тот встал и пошел к лошади.

У Майлза в ушах стучала кровь, рука с оружием напряглась и вспотела. Молодой человек отдал Дурачку свое яблоко. Лошадь с аппетитом схрупала гостинец, потом двинула бедром, подняла копыто и глубоко вздохнула. Если бы Майлз не видел, что парень сам ел это яблоко, он бы выстрелил... Человек потянулся потрепать коня по шее, но изумленно отдернул руку, когда пальцы его наткнулись на сделанную доктором Ди наклейку. Дурачок тревожно замотал головой. Молодой человек почесал ему между ушами, последний раз посмотрел в сторону дома, сделал глубокий вдох, шагнул вперед, увидел Майлза и замер.

– Лэм Журик? – спросил Майлз.

Молчание. Неловкий кивок.

– Лорд Форкосиган?

Майлз тоже кивнул.

Журик с трудом сглотнул и дрожащим голосом выговорил:

– Лорд-фор, вы держите слово?

Какое странное начало... У Майлза брови поползли вверх.

– Да. Ты сдаешься?

– Да и нет, милорд.

– Так да или нет?

– С условием, лорд. И мне нужно ваше слово, что вы его выполните.

– Если ты убил Райну...

– Нет, лорд. Клянусь! Я не убивал.

– Тогда тебе нечего меня бояться.

Губы Лэма растянулись в улыбке. Неужели этот горец смеется над ним? Да как он смеет...

– Ах, лорд, – выдохнул Журик, – хотел бы я, чтобы это было так. Но я ведь должен доказать это Харре. Вы должны заставить ее поверить мне, лорд!

– Сначала заставь поверить меня. К счастью, это нетрудно. Повтори под суперпентоталом то, что сейчас сказал, и я буду считать, что ты оправдан.

Журик покачал головой.

– Почему? – терпеливо спросил Майлз.

То, что подозреваемый пришел сам, – важное, хотя и косвенное, свидетельство его невиновности. Если только он не вообразил, что сможет обмануть сыворотку. Майлз решил быть терпеливым – по крайней мере еще три или четыре секунды. А потом, Бог свидетель, он его парализует, затащит в дом, свяжет, пока парень не придет в себя, и разберется с этим делом еще до завтрака.

– Это средство... говорят, что ничего нельзя утаить.

– Если бы можно было, оно было бы ни к чему.

Журик секунду подумал.

– Ты хочешь скрыть какое-то менее серьезное преступление? В этом твое условие? Что ж, думаю, я могу заранее простить тебя. Конечно, если это не убийство.

– Нет, лорд. Я никогда никого не убивал!

– Тогда мы договоримся. Потому что, если ты невиновен, я хочу убедиться в этом как можно скорее.

– Здесь-то и трудность, милорд. – Журик потоптался на месте, потом решительно выпрямился. – Ладно, я согласен на вашу сыворотку. И отвечу на все вопросы, какие вы захотите задать. Но вы должны обещать – клятвенно! – что не будете спрашивать меня о... о чем-то еще. О ком-то еще.

– Ты знаешь, кто убил твою дочь?

– Не наверняка. – Журик вызывающе вскинул голову. – Я этого не видел. Но я догадываюсь.

– Я тоже догадываюсь.

– Это ваше дело, лорд. Но не заставляйте меня быть доносчиком. Больше я ни о чем не прошу.

Майлз вложил парализатор в кобуру и потер подбородок.

– Гм... – Он чуть заметно улыбнулся. – Признаюсь, было бы изящнее... решить задачу путем логики и дедукции, а не грубой силой. Даже такой мягкой силой, как суперпентотал.

Журик мотнул головой:

– Я не понимаю, о чем вы толкуете, милорд. Но я не хочу произносить имя убийцы.

Теперь Майлз уже знал разгадку, и ему осталось только выстроить цепочку доказательств – шаг за шагом, точно так же, как в пятимерной математике.

– Прекрасно. Я даю слово Форкосигана, что ограничу свои вопросы фактами, свидетелем которых был ты сам. Я не буду просить тебя делать предположения относительно других людей или событий, при которых ты не присутствовал. Ну, это тебя устроит?

Журик покусал губу.

– Да, лорд. Если вы сдержите слово.

– А ты испытай меня, – язвительно предложил Майлз, без комментария проглотив скрытое в последних словах оскорбление.

Журик проследовал за Майлзом через двор с видом осужденного, поднимающегося на эшафот. Их появление произвело фурор: Пим и Ди не могли понять, в чем дело, пока Майлз не объявил:

– Доктор Ди, доставайте свой суперпентотал. Лэм Журик пришел с нами поговорить.

Он провел Журика к стулу, и горец сел, сжав руки на коленях. Пим с багрово-лиловым синяком на груди, проглядывавшим под белой повязкой, взял свой парализатор и отступил назад.

Роясь в чемоданчике, доктор вполголоса поинтересовался:

– Как вы этого добились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.